

НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

МОЙ КРОВНЫЙ
ВРАГ

16+

Наталья Шнейдер

Мой кровный враг

«Автор»

2022

Шнейдер Н.

Мой кровный враг / Н. Шнейдер — «Автор», 2022

Я хотела его убить, но мне помешали. Заковали и бросили в каменный мешок. Он знает, кто я, знает, что буду пытаться убить его снова и снова. Почему он вернул мне свободу? Неужели надеется, что воспоминания о первой любви заставят меня остановиться?

© Шнейдер Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Наталья Шнейдер

Мой кровный враг

Пролог

– Ты дождешься меня? – спросила я. Протянула руку для поцелуя. Хорошо, что пальцы не дрожат.

Рик склонился над моей рукой, почти как взрослый. Выпрямляясь, обжег взглядом синих глаз. Почему я каждый раз улыбаюсь, словно дурочка, когда он так смотрит?

– Обязательно. Я буду писать каждый день.

Мама едва заметно покачала головой. Вернемся домой, и она снова начнет отчитывать: «Не морочь мальчишке голову, он тебе не нужен!» Ох, да о чем я! Это она вернется домой, а у меня впереди две недели морем.

Я растянула непослушные губы в кокетливой улыбке.

– Это ты сейчас так говоришь. А потом вырастешь и забудешь.

Шесть лет! Шесть лет вдали от дома! Нет, я не буду плакать, бесполезно. Отец опять скажет что-нибудь вроде «не реви, Цветик, ты же Эйдо», мама снова начнет рассказывать, что до сих пор переписывается с подругами из пансиона, про блестящее образование: Бенрид – центр наук и искусств. Что тоже грустила поначалу, но потом все прошло.

– Я буду ждать, – сказал Рик, и что-то такое промелькнуло в его голосе, от чего мои щеки налились жаром. Я выдернула руку, которую он до сих пор не выпустил из своих пальцев – горячих и сильных.

Забудет. Как уже забыл, что в детстве обзывал меня малявкой. И как сунул лягушку в корзину с земляникой, а потом хохотал, когда она выпрыгнула мне в лицо. А я-то все помню, так что пусть теперь смотрит и вздыхает.

О чем я? Не станет он на меня смотреть – просто потому, что я буду далеко. А писать каждый день... через море? Его родителям быстро надоест выбрасывать деньги. Да, лорд Бенедикт Мортейн богат и щедр, но...

Я не хочу никуда уезжать!

– Хватит, дети, – вмешался отец. – Никто не будет задерживать корабль ради вас.

Он распахнул объятия, и я бросилась в них, ткнула носом в грудь, вдохнула такой знакомый запах – табака, кожи и лошадей.

– Выше нос, Цветик, – улыбнулся он, отстраняясь. – Шесть лет пролетят быстро. Вернешься совсем взрослой и настоящей красавицей.

– Роза и сейчас... – Рик вспыхнул и осекся, смешавшись. Отступил, неотрывно на меня глядя, словно хотел насмотреться на все эти годы вперед.

Мама порывисто обняла меня, пряча блестящие от слез глаза, и я прижалась к ней. Надо же, я уже почти догнала ее, а когда приеду, наверное, вовсе перерасту.

Мамин дар пах акацией. Как же я буду теперь без нее? Ну да, я уже не маленькая, и мне не нужно читать сказки и вытирать слезы. Нет, и сейчас не нужно! Я прокусила губу.

– Все хорошо, Цветик. – Она погладила меня по голове. – Ты быстро привыкнешь. Погоди, еще возвращаться не захочешь, скажешь, что дома скучно, а там настоящая жизнь.

Какая она, настоящая жизнь? Здесь у меня была настоящая жизнь. Можно взобраться на старый дуб, с верхушки которого видны холмы на границе наших земель. Можно скакать по полям наперегонки с Риком или на спор сигануть в море со скалы. Можно сидеть на дне оврага и наблюдать, как на большом плоском камне греется семья ужей. А там, за морем?

– Учеба, подруги, балы, кавалеры, – улыбнулась мама, словно прочитав мои мысли.

Рик на миг изменился в лице. Можно подумать, он тут не будет ни на кого засматриваться! Он ведь станет совсем взрослым через шесть лет.

– Иди, – легонько подтолкнула меня мама. – Корабль в самом деле не будет ждать. Я люблю тебя, доченька.

Я не удержалась, все-таки всхлипнула. Хорошо, что братья не приехали, а то бы точно разревелась, если бы прощалась еще и с ними.

– Пойдемте, миледи. – Николас, старый слуга, вырастивший еще моего отца, кивнул людям, и те потащили на борт сундук с моими вещами.

– Да, – прошептала я. Вздернула подбородок: я не буду плакать!

Очень хотелось оглянуться, но я не стала: дурная примета. Я ведь увижу их снова, правда, увижу?

Шесть лет спустя

– Вам письмо, миледи. – Николас держал в руках непривычно толстый конверт.

Я вскочила – с пера на беловик диплома упала клякса. Да плевать, перепишу. Четыре месяца не было писем из дома, я вся извелась. Нет-нет, с родными все в порядке, просто в войну почта ходит из рук вон плохо. Да, чумные повержены и гражданская война, по слухам, тоже закончилась, но когда еще все наладится? Ивонна, вон, полгода ничего о своих не знала, а потом пришло письмо, все живы. Вот и мои...

Я нахмурилась: герб на печати, закрывавшей конверт, был незнакомый. Мне не писали чужие. Только родители, да Эдвард или Мартин время от времени вспоминали, что у них есть сестра.

Когда я ломала печать, руки тряслись. Почерк тоже оказался незнакомый – крупный, угловатый и очень разборчивый. Но все же в первый миг мне показалось, что я что-то неправильно разобрала.

«Леди Роза, я взял на себя смелость вам написать на правах старого друга вашего отца. Прежде всего, приношу глубочайшие соболезнования: гибель лорда Беорна Эйдо – невосполнимая утрата для нас всех».

Я вцепилась зубами в кулак. Нет. Этого не может быть. Я что-то не так поняла. Нет!

– Миледи? – Голос Николаса донесся словно сквозь вату.

Я подняла взгляд от прыгающих строчек. Лицо Николаса плыло, и сам он шатался.

– Миледи, что с вами? – Он подхватил меня под локоть, повлек куда-то. Я бездумно перебирала ногами, так же бездумно позволила усадить себя в кресло. Под носом возникло что-то жутко вонючее, я подпрыгнула.

– Убери эту гадость!

Откуда Николас взял нюхательные соли? Я никогда их не держала, потому что не падала в обморок. И сейчас не упаду. Еще не хватало: лишаться чувств из-за чьей-то злой шутки.

– Что с вами? – Николас присел напротив, встревоженно заглядывая мне в лицо. Коснулся моих пальцев – руки у него оказались неожиданно горячими. Хотя нет, это мои холодные.

Я заглянула в подпись. Сэр Грей. Да, старый друг моего отца. Я плохо его знала: у начальника столичной стражи было много забот, и он редко появлялся у нас — разве что в нашем особняке в столице. Впрочем, и тогда он со мной почти не разговаривал, оно и понятно. О чем нам с ним было разговаривать?

– Сэр Грей, – я сама не узнала своего голоса, – приносит соболезнования по поводу гибели папы.

– О господи! – выдохнул Николас. Лицо его посерело, и я на миг испугалась, что сердце у старика не выдержит. Сорвалась с кресла, пытаюсь усадить его. Он отмахнулся.

– Как же так... Он же... мы же...

Николас вырастил моего отца и прошел с ним всю войну – предыдущую войну, с Ландернау, которая закончилась четверть века назад. Я снова сунулась в письмо – едва ли стоило изводить столько бумаги и чернил только для того, чтобы выразить соболезнования. Наверняка там есть подробности.

Но почему мне не написала мама? Или Эдвард – ведь к нему перешел титул после смерти отца? Я сглотнула горький ком, не сразу решившись читать дальше – вдруг там не только о папе? Следующие несколько абзацев мне пришлось перечитать три раза.

– Он пишет, что папу убил Рик... Ричард Мортейн.

Этого не может быть. Просто не может быть. Я схожу с ума. Николас пошатнулся, вцепившись в спинку кресла. Я испугалась за него.

– Сядь, – бесцветным голосом произнесла я.

– Негоже мне...

Я рывкнула:

– Сядь, я сказала!

Грудь словно сдавило ледяным обручем, отчаянно не хватало воздуха – так, что темнело в глазах и кружилась голова.

Николас отодвинул от стола стул – ножки проскрежетали по полу, я вздрогнула от этого звука. Я схожу с ума. Наши родители дружили едва ли не всю жизнь и Рик, да и Рэндольф, его старший брат, частенько гостили у нас. Рик убил папу???

Совершенно некстати подумалось, что наша с Риком переписка заглохла в первый же год. Просто я о нем вспоминала все реже, а потом и вовсе перестала писать. Может быть, если бы мы продолжали общаться, я бы заметила неладное?

– Он и еще пятеро с ним, – я то и дело сверялась с письмом, словно разбирая сложнейшие алхимические формулы. Может быть, если я облеку прочитанное в собственные слова, смогу понять, что за безумие произошло? – Ворвались в наш столичный особняк. Когда подросла стража во главе с сэром Греем, все было кончено. Рик... Ричард сдался страже в обмен на свободу тех, кто был с ним.

Чтобы избежать кровопролития – так он сказал сэру Грею. Ричард и пятеро магов с одной стороны, сэр Грей с еще двумя магами и две дюжины стражников-простых с другой – побоище и в самом деле вышло бы знатное. Хотя рано или поздно убийц смяли бы числом. Сэр Грей, возглавлявший стражу, предпочел побережь своих людей.

– На допросе... – Голос сорвался, пришлось помолчать. – Ричард заявил, что отец убил его родителей.

Судя по ошарашенному лицу Николаса он понимал еще меньше, чем я. Я снова заглянула в письмо.

– В самом начале войны отец раскрыл заговор, который возглавляли Мортейны. Заговор в пользу Ландернау.

Да, такое не прощают. Казалось бы, четверть века прошло, но раны все еще были свежи. Не осталось семьи, которая не потеряла бы близких в этой войне, и леди Краммиана тогда сражались бок о бок со своими мужчинами. Но...

– Но зачем бы им? – озвучил мое недоумение Николас.

Они же были героями той войны. Лорд Бенедикт, племянник принца-консорта, погибшего в первые дни войны, мстил врагам за своего дядю. А леди Летисия взяла на abordаж свой первый вражеский корабль будучи младше, чем я сейчас. И вдруг – заговор в пользу бывших врагов?

– Власть, – сказала я, снова пробежав глазами строчки. – Если династия прервется, следующий претендент на корону – Мортейны.

Удивительно, до чего спокойно прозвучал мой голос. Как будто я смотрела сама на себя со стороны. Как будто я была не здесь.

Николас покачал головой.

– Лорд Бенедикт мог бы стать королем, но только если его примет Вечное пламя.

Риск велик. Но и награда... Иные ставили на кон свои и чужие судьбы и ради меньшего. Получается, отец раскрыл заговор, Ричард счел его предателем, виновником смерти родителей. И просто пошел, и...

Я закрыла лицо руками, забыв о письме, сминая бумагу. Мысли скакали, путались, и никак не получалось вздохнуть полной грудью.

Николас осторожно сел рядом, полуобняв меня.

– Поплачьте, миледи.

Я замотала головой, выпрямилась.

– Сперва дочитаю. – Я чуть сдвинула письмо, так, чтобы Николас – он был грамотен – тоже мог в него заглянуть. – Читай тоже.

– Как можно?

– Читай. – Я снова сглотнула ком. – Я не могу больше... вслух.

Как будто произнесенные слова делали произошедшее реальностью. Как будто если все останется на бумаге, еще получится повернуть время вспять. Сделать так, будто ничего не было.

Сэр Грей писал, что отправил мне послание не сразу – хотел изложить во всех подробностях, как прошла казнь убийцы моего отца и государственного изменника. Хорошо, что все же не изложил – вряд ли описание чужих мук доставило бы мне удовольствие. Убийца должен умереть, чтобы правосудие свершилось – и этого довольно.

Только правосудию не было суждено свершиться – по дороге к эшафоту Ричарда отбили. Те пятеро, что ушли невредимыми в обмен на обещание не проливать лишней крови. Сговорились ли они со своим предводителем заранее? Сэр Грей не взялся это утверждать. Вся затея, по его словам, отдавала самоубийственным безумием: просто пробиться сквозь ряды стражи к телеге, где везли приговоренного – естественно, в прадиевых оковах – перебросить его через спину коня, потому что сам он в седле после допросов не держался – и раствориться в паутине столичных улиц. Видимо, было у них где-то логово, которое он не выдал, а стража не нашла.

Сэр Грей не смог дописать и отправить письмо сразу – несколько дней после налета на процессию провел между жизнью и смертью, несмотря на все усилия целителей, и еще довольно долго выздоравливал. Потом письмо путешествовало по стране, раздираемой чумными и гражданской войной.

Я разжала пальцы – бумажные листы, зашелестев, разлетелись по полу. Долго сидела так, тупо глядя перед собой. Слез не было. Как будто я так и не смогла поверить до конца в то, что прочла.

Может быть, потому что мне написал чужой человек? Почему не мама? Не братья? Что с ними?

Я прикусила губу. Слизнула кровь.

– Николас, я еду домой.

Глава 1

Интересно, сразу на виселицу поволокут или сперва на дыбу? В темноте и тишине каменного мешка скрежет засова ранил слух, точно наждак – голую кожу. Я подскочила – зря, от резкого движения закружилась голова, да и онемевшее от холода тело слушалось плохо. Пришлось опереться спиной о стену, ледяное прикосновение камня отрезвило, неожиданно придав ясности мыслям.

Скрип дверных петель показался настолько громким, что я заткнула уши. Следом по глазам резанул свет – ровный, яркий. Я зажмурилась, но он все равно пробивался сквозь сомкнутые веки. Магический светлячок, не иначе. Неужто сам магистр ко мне пожаловал? При этой мысли заколотилось сердце.

Нет. Едва ли я удостоюсь такой чести. А магов в ордене Хранителей и кроме него хватает.

Я подняла веки, щурясь от света – после крошечной темноты подземелья глаза слезились. Моргнула несколько раз, зажмурилась так крепко, что заныли веки, снова открыла глаза. Пригнувшись в дверном проеме, в камеру шагнул мужчина. Осанка знатного человека. Неужто все-таки магистр? Тот, кого я знала? Я потянулась к магии – проверить, не он ли держал светлячок, и словно провалилась в пустоту. Кандалы с прадием отрезали от дара наглухо.

Я вгляделась в вошедшего, гадая: он? не он? Я помнила красивого мальчика с круглым, пожалуй, слишком мягким для парня лицом и синими глазами. Лицо мужчины, который вошел сейчас, мягким назвать нельзя было никак. Двигался он с изяществом и стремительностью атакующей змеи, несмотря на доспех. Высокий, пожалуй, скорее худощавый, хотя под кольчугой сложение особо не разберешь. Небрит, прямо как простолюдин. Давно нестриженные волосы выются крупными кольцами, среди темно-русых прядей заметны серебристые нити, хотя лицо совсем молодое. И все же тому, кого я помню, должно быть двадцать один – в этом возрасте еще не бывает седины. Жесткий ледяной взгляд из-под насупленных бровей. Шрам через всю левую щеку от виска до губы.

Значит, не он. Маг бы свел шрам, даже если не было возможности начисто залечить сразу.

Следом шагнули еще двое, тоже в доспехах. И тоже не понять, кто из них маг. Без дара я чувствовала себя беспомощным слепым котенком. Сейчас ведь за все отыграются... Что ж, моих слез они не увидят... пока я в состоянии себя контролировать и не превратилась в обезумевшее от боли животное. При этой мысли во рту пересохло – хотя куда уж сильнее, и так воды не давали с тех пор, как бросили сюда – сердце заколотилось где-то в горле, а тело стало ватным. А я-то думала, что устала бояться...

Жаль, что, когда свалилась, истощив магию, я не осмелилась себя убить.

Одного из двоих, вошедших вслед за первым, я узнала. Констебль, к нему меня приволокли, когда скрутили, он-то и велел запереть и оставить, пока не вернется магистр. Интересно, не кормить и не поить до его прихода тоже он велел? Чтобы сговорчивей была? Не дождутся!

– Встать! – рявкнул он.

Я выпрямила спину и вздернула подбородок. Не буду я вставать: цепь, соединяющая ручные и ножные оковы чуть короче, чем нужно было бы, чтобы позволить мне выпрямиться. А стоять, склонившись перед ними, я не стану. Даже если кто-то из них маг, а, значит, дворянин – я леди этих земель. Пусть даже титула у меня больше нет, а в моем замке хозяйничают чужие.

– Охренели вконец без меня? – прошипел тот, со шрамом, оглянувшись на остальных. – Орден воюет с чумными, а не с детьми!

– Магистр, эта, как вы выразились, ребенок...

Я вздрогнула. Магистр. Значит, это все-таки он. Ричард Мортейн. Магистр краммианской ветви ордена хранителей. Герой, возглавивший оборону столицы, когда чумная армия подошла к ней, собственноручно сразивший генерала чумных. Любовник королевы.

И, что куда важнее – человек, убивший моего отца.

– ...эта, как вы выразились, ребенок, убила троих прежде, чем мы сумели ее скрутить.

Магистр приподнял бровь, глядя на меня.

– Вот, значит, как. А с виду и не скажешь...

Не узнал. Хотя я тоже его не узнала.

– Желаете присутствовать на допросе? – поинтересовался констебль.

– А что говорит?

– Пока ничего. Вздернем на дыбу – заговорит.

Магистр стремительно развернулся, шагнул – лишь шагнул, не схватился за оружие, не свилась магия – но констебль попятился, позеленев.

– С пристрастием?

Взгляды схлестнулись, и констебль оказался не робкого десятка, глаз не отвел.

– Шпион может быть любого пола и возраста, а ее схватили в вашем кабинете...

Ну да, именно там. Точнее, в кабинете моего отца. Кто ж знал, что магистр в отъезде?! Решили, значит, что я пришла за их секретами?

Магистр подошел ближе, остановившись в шаге от меня. Плунуть ему в морду, чтобы на месте прибил? Так ведь слюны нет. Так что нечего ему бояться.

Да и вообще нечего бояться: я же в кандалах. Только и остается, что сидеть и смотреть на него снизу вверх. Здоровенный какой вымахал. Этот и без магии голову открутит. Хотя у них в роду все были верзилами, и в обиду они себя не давали – сами кого хочешь обидят.

Странно, но сейчас нутро скручивала ненависть, не страх. Видимо, отбоялась, отревела свое, когда меня бросили в этот каменный мешок – без еды, без воды, без света. Уже решила, что они не станут размениваться на казнь и возиться, когда можно просто запереть и оставить одну, пока не умру.

– Что ты делала в моем кабинете?

И голос кажется совсем незнакомым. У мальчишки, которого я помнила, голос начал ломаться, и он то басил, то давал петуха. А сейчас – глубокий бархатный баритон, таким бы не пленников допрашивать, а серенады дамам петь.

Что за ерунда в голову лезет перед смертью? Или от голода, жажды и страха начинаю сходить с ума? Может, так было бы и лучше. Все равно на допросе они узнают лишь о том, как я их ненавижу. Больше-то все равно рассказать нечего. При мысли об этом грудь словно сжало ледяным обручем: они ведь не поверят сразу, не отступятся...

– Я жду ответа, – напомнил о себе магистр.

Я разлепила губы.

– Тебя... – Язык еле ворочался, вместо слов вырвалось хриплое карканье. – Тебя ждала.

Он вдруг стремительно нагнулся, схватил мою кисть, зачем-то ущипнул. Выпустив руку, шагнул к констеблю и молча отвесил оплеуху. Вернулся, присел, снимая с пояса флягу, протянул мне.

Я замерла от изумления – чего-чего, а такого не ожидала. Он, видимо, понял мое замешательство по-своему: выдернул пробку, отхлебнул содержимое – я непроизвольно сглотнула, в горле заскребло – снова протянул мне.

– Сколько тебе не давали пить?

Я пожала плечами.

– Магистр, – вмешался констебль. – Это оплошность, а не...

– Позже поговорим, – отрезал тот, не оборачиваясь. – пей.

Я взяла флягу так, чтобы не было видно, как дрожат руки. Каждую секунду я ждала, что магистр выхватит ее и засмеется. Но он сидел на корточках в полушаге от меня и молчал, и ни на лице, ни во взгляде невозможно было прочесть ровным счетом ничего.

Я медленно поднесла флягу к губам – хотелось присосаться к ней и пить, пить, пить, захлебываясь, чувствуя, как вода стекает по подбородку, пропитывает одежду, пить, пока не забулькает в животе. Пригубила – вода была чистой, ледяной, аж заломило зубы – наверняка фляжка зачарована. Три глотка... нет, пять, ровно пять, иначе я не смогу остановиться и выхлебать все, а показывать свою слабость я не намерена. Вернула флягу.

– Благодарю.

– Пей. Я-то всегда могу налить еще.

Я покачала головой. Надо было отказаться и от этого, но плоть слаба. Магистр не стал настаивать, вернул флягу на пояс – я проводила ее полным сожаления взглядом. Снова присел напротив.

– Итак, ты ждала меня. Зачем?

– Чтобы убить, – не стала скрывать я. Чего уж тут скрывать, все равно все узнают. А так, может, обойдется без допроса с пристрастием.

Он усмехнулся.

– Вот детей по мою душу еще не посылали...

– Я всего-то на три года младше тебя! – возмутилась я.

Он ответил не сразу.

– Может, ты и права... на войне быстро взрослеют. Кто тебя послал?

– Никто.

– А если хорошо подумать?

– Никто.

– Тогда зачем? Вообразила, будто спасаешь мир от зла в моем лице?

Значит, ты знаешь, что тебя считают злом? Интересно, как тебе живется с этим знанием? Хорошо ли спится? И скольких еще, кроме моей семьи, ты убил, прежде чем стал тем, кто ты сейчас, а, Рик? Хотя нет, прежнее имя не подходит тебе так же, как не была бы сейчас впору прежняя одежда.

– Я – Роза Эйдо.

Он не изменился в лице, только замер на миг, а потом медленно произнес:

– Вот как... Не узнал.

– Я тоже не узнала.

Он надолго замолчал, глядя мне в глаза. Не знаю, чего уж там он хотел увидеть, я-то в его глазах вовсе ничего рассмотреть не могла. Синие, точно ключ, в котором отражается небо. И такие же ледяные.

– Что ты будешь делать, если я тебя отпущу? – спросил он, наконец.

Я пожала плечами. Как будто он в самом деле над этим раздумывал. Как будто у меня много вариантов.

– Вернусь и постараюсь доделать то, что не получилось в первый раз.

– Интересный у тебя способ просить о помиловании, – усмехнулся он.

– А я и не прошу о помиловании, – ответила я ему в тон.

Первое, чему учат магов – любое деяние имеет последствия. Как брошенный в воду камень, от которого долго расходятся круги. Так что какой теперь смысл умолять? Все равно он сделает со мной все, что захочет. Только по-другому я поступить не могла, потому что бездействие – тоже выбор. Свой я сделала. Пришло время платить по счетам.

Только бы хватило сил сохранить достоинство до конца, каким бы он ни был. Все-таки я леди из семьи Эйдо. А мы никогда не склонялись перед врагом.

Магистр кивнул – явно не моим словам, а каким-то своим мыслям.

– Беркли, верните леди Розе вещи, которые при ней были, снимите кандалы, и пусть идет куда хочет.

Резко поднялся и двинулся к двери так стремительно, словно за ним собаки гнались. Остановился в проеме на миг, оглянулся.

– И, надеюсь, сейчас вы не забудете ее накормить и дать вдоволь воды?

Исчез за дверью, не прощаясь.

Судя по выражениям лиц остальных, ошарашены они были не меньше меня. Но даже если и собирались возразить, догонять магистра не стали.

– Я велю солдатам принести поесть, – сказал второй из оставшихся, который так и не представился. – И пошлю за кузнецом.

Я не ответила. Снова закрылась дверь, оставив меня в полной темноте.

Я опять свернулась клубочком на полу. Выпустят меня, как же. Только дурак отпустит безнаказанным кровника и своего несостоявшегося убийцу. Дураки не становятся магистрами ордена. Дураки не собирают армию из ничего. Так что Ричард Мортейн кто угодно, но не дурак, и меня просто так не выпустит. А те слова – просто слова, разве можно верить словам того, кто уже презрел все законы чести? Пытка надеждой – вот как это называется. И потому надеяться я не стану. А что трясет так, словно внутренности превратились в холодное желе – это пройдет... Зря я взяла у магистра воду. Те пять глотков жажду не утолили вовсе, лишь на время смочили горло, а теперь пить хотелось еще сильнее. Ну ничего, скоро все это закончится.

Через некоторое время заскрежетал засов, заставив меня подскочить. Вошли двое. Один воткнул факел в крепление у двери – на миг стало видно длинное, как у лошади, лицо. Потом он двинулся ко мне против света, превратившись в темный силуэт. Второй, пониже и пошире, что-то держал в руках, носа коснулся запах вареной курицы. Магистр кормит пленников птицей, в самом деле? Или все-таки...

Сердце отчаянно забилося. Нет, нельзя верить, нельзя! Поверю, только когда... если окажусь за воротами. Если в спину не прилетит стрела.

Двое подошли ближе, я сощурилась в свете факела. Стали видны лица, и их выражение мне не понравилось. Вовсе не понравилось – так смотрят на законную добычу.

– Смотри-ка какая краля, – произнес тот, с лошадиным лицом.

Я попятилась – как была, сидя, но далеко отодвинуться не вышло, уперлась спиной в стену.

– Хороша птичка попалась, – ухмыльнулся второй. Подошел еще ближе, нависая. – Слышь, ты. Мы пожрать принесли.

Из рта у него несло, словно из выгребной ямы. Я невольно поморщилась.

– Ты глянь, Джон, она еще морду кривит, – продолжал он. – Я вот тут думаю, чё это мы просто так туда-сюда бегаем?

Кажется, я знаю, что будет дальше. Горло пересохло – в этот раз вовсе не от жажды. Надеюсь, дура, если не на помилование, то на достойную смерть. А магистр прислал этих...

Я постаралась придать лицу невозмутимое выражение, но то ли плохо получилось, то ли эти двое чувствовали запах страха, как чувствует его собака, догоняющая кошку.

– Правильно думаешь, – согласился второй.

Казалось, мой страх доставляет им куда больше удовольствия, чем то, что они собирались сделать. И они упивались моей беспомощностью. Будь я не в кандалах – оба умерли бы на месте, но магия мне недоступна, и я ничего, совершенно ничего не могла сделать. Только надеяться на чудо.

– Слышь, девка, кто не работает, тот не ест. Будешь ласковой – покормим. А так – не обессудь...

– Пошел ты... Дотронешься до меня – убью! – прошипела я.

– Ерепенишься, значит? – Тот, что с лошадиной мордой, нагнулся, вцепился мне в подбородок, заставляя поднять лицо. – Ну, давай. Мне нравится, когда ерепенятся.

От него смердело застарелым потом. Жаль, что я не могу лишиться чувств по собственной воле. Это было бы... удобно. Потому что, если не случится чуда, эти двое меня изнасилуют.

Какая злая ирония. В пансионе нравы не слишком строгие, хватало и балов, и визитов – вокруг меня поклонники вились стаями, и добрачные связи не были чем-то запретным, ведь магия всегда убережет от ненужных проблем. Но мне все казалось, что появится кто-то... кто-то, кто мне будет не просто симпатичен, а тот единственный, с кем и случится незабываемый первый раз.

Да уж, незабываемый – это точно.

Я снова выплюнула ругательство. Длиннолицый расхохотался.

– Прикрой дверь, Том. Кажется, будет весело.

Наверное, следовало заткнуться и не сопротивляться – ведь им этого и надо было: чтобы отбивалась, чтобы кричала. Но с самого детства вколотенные в тело навыки дали о себе знать, и я лягнула в лодыжку того, кто стоял ближе. Удар не удался, помешала цепь и слабость. Длиннолицый оскалился.

– Нравится пожесть? Получишь.

Кажется, я все-таки смогла съездить ему по морде и боднуть головой в живот второго прежде, чем в голове зазвенело, и я на миг потеряла ориентацию, а когда пришла в себя, кто-то из двоих стягивал с меня штаны.

Я завизжала так, что у самой заложило уши. Дверь распахнулась. Солдаты шарахнулись от меня, словно их магией отнесло.

– Что здесь происходит? – холодно поинтересовался тот второй, что был с магистром и так до сих пор не представился. За его спиной маячил здоровый детина – кузнец, тот же самый, что меня заковывал.

Я торопливо поправила одежду. Отвечать не стала – вопрос явно не требовал ответа. Только бы он не развернулся и не ушел, снова оставив меня с этими...

– Дык это, шуткуем мы, – сказал длиннолицый.

Я усмехнулась – шевелить разбитыми губами было больно. Интересно, часто ли здесь теперь так «шуткуют»?

– Я – Саймон Коуп, капитан гарнизона, – представился тот. – Прошу прощения, миледи. Магистр велел вешать насильников и мародеров без суда, но, похоже, не все поняли, что он не шутил.

– Да она сама! – возмущенно заорал тот, кого называли Томом.

Капитан положил ладонь на рукоять меча.

– Сдать оружие. Ну?

Длиннолицый, нехорошо ощерившись, потянул с перевязи топорик. В руках у коренастого появились ножи. Капитан выхватил меч, рывкнул – из коридора вбежали еще двое с оружием наголо, да и кузнец стоять в стороне не стал, хотя в его ручищах нож выглядел игрушечным.

Коренастый бросил на пол ножи. Длиннолицый помедлил – мелькнул меч капитана, выбивая из его рук топорик. Еще через несколько мгновений несостоявшихся насильников связали и уволокли.

Я на миг ссутулилась, выдыхая, снова распрямила плечи.

– Еще раз прошу прощения, миледи, – сказал капитан, поднося факел поближе к моему лицу. – Я пошлю за целителем.

– Не стоит. Если с меня снимут оковы, я смогу и сама залечить.

– Снимут, вы же слышали распоряжение магистра. Но дайте слово, что используете магию только, чтобы излечить себя, не против нас. Иначе, едва вас раскуют, я буду вынужден держать меч наготове, и...

Он не договорил, но я поняла. Будь я здорова и сыта, еще бы посмотрела, кто кого. Но голова кружилась от голода, и я вообще не была уверена, что устою на ногах, если поднимусь. Да и что толку нападать? Этого убью – десяток других прибежит, и, как в прошлый раз, возьмут числом. Ладно бы если вместе со стражей прибежал и сам магистр – может, появился бы шанс его достать. Но не дурак же он совсем, чтобы так подставляться? На то простые солдаты есть.

– Обещаю, что воспользуюсь магией, только чтобы излечить себя, – сказала я и, подумав, добавила: – Если мне не придется защищаться.

– Не придется.

Капитан отошел в сторону, жестом велел кузнецу заняться делом. Тот сбил с оков заклепки, подхватил цепи и ушел. Я медленно, опираясь о стену, выпрямилась – какое, оказывается, счастье, просто вытянуться в полный рост. Какое счастье снова чувствовать магию! Я медленно провела ладонью по лицу, словно стирая ушиб. Поморщилась от боли – мгновенное исцеление не дается даром. Подняла взгляд на капитана, настороженно застывшего рядом.

– Не беспокойтесь. Я же обещала.

И незачем ему знать, что я так ослабела, что на ногах едва держусь, а на это нехитрое исцеление ушли почти все мои силы.

– Я могу быть свободна?

– Поешьте. – Он кивнул туда, где у стены стояла миска и кувшин, что принесли те солдаты.

Я думала, что аппетит у меня надолго пропал, но желудок протестующе заурчал. Я залилась краской – позорище какое!

Капитан сам поднял еду, протянул мне, повторил.

– Поешьте. И я вас провожу.

– Я выросла в этом замке. – Я села, скрестив ноги, начала есть, изо всех сил стараясь, чтобы капитан не заметил, как у меня дрожат руки. Хотелось набить рот, глотать не жуя. Но капитан, вроде бы расслабленно привалившись к стене, не сводил с меня настороженного взгляда, и, значит, нужно было вести себя прилично.

– Я должен извиниться за себя и от имени констебля, – сказал капитан. – Мы не намеревались оставить вас без еды и воды, просто вовремя не приказали...

– Просто забыли, – усмехнулась я.

Лестно, ничего не скажешь. Просто забыли. Ну хоть магистру доложить не забыли. А тот велел меня вышвырнуть, точно щенка, посмеявшегося укусить хозяйскую руку.

Да уж, придется учиться смирению. Я мысленно фыркнула – это вряд ли. Среди лордов и леди Краммиана смиренных агнцев не было никогда. Сражаться и ходить детей учили одновременно, и даже в Бенриде Николас на деньги моих родителей нанял мне преподавателя фехтования и боевой магии. Поначалу он отнесся ко мне снисходительно, потом все же начал учить всерьез. Девчонкам из пансиона я об этом не рассказывала. Поймут только мои соотечественницы – впрочем, и те, если и брали подобные уроки, предпочитали помалкивать.

– Случилось кое-что непредвиденное... – прервал мои размышления капитан. – Впрочем, это нас не оправдывает. Еще раз прошу прощения, миледи.

Я кивнула, отставляя на пол опустевшую миску. В кувшине оказался травяной чай: я провела ладонью над горлышком, проверяя, нет ли яда или враждебной магии. Нет, чисто. Напилась вволю, аж в животе забулькало.

– Вы готовы, миледи? – спросил капитан.

Я кивнула.

Вопрос только в том, к чему именно.

Глава 2

Капитан снова выглянул за дверь. Вернувшись, вручил пояс с ножом и зельями, который у меня отобрали, когда повязали. А больше при мне ничего и не было. Отправляясь убивать магистра, я все свои вещи оставила на постоялом дворе. В деревне в четырех лигах от замка. Там часто останавливались купцы, везущие товары из Локка, крупного морского порта, тоже стоявшего на наших землях... теперь на землях ордена.

Из Локка я когда-то уплыла учиться. Туда и вернулась, как ни пытался Николас мне помешать. Он твердил, что за те месяцы, пока оно добиралось, многое могло измениться. Что через две недели защита диплома, и раз уж прошло два месяца с тех пор, как погиб отец, еще две недели ничего не изменят... Что наверняка Эдвард, мой старший брат, отомстил за кровь отца, да и Мартин едва ли стал бы сидеть сложа руки. Что у мамы есть надежная опора – два сына.

Устав слушать нотации, я сделала то, за что мне было стыдно до сих пор – уронила старику на голову книгу в тяжелой железной оковке. Убедившись, что его жизни ничего не угрожает, связала, оставила в досягаемости острый нож, а в шкатулке – денег. Достаточную сумму, чтобы прожить месяц в Бенриде или доплыть домой – там уж сам решит. И отправилась на родину. Плевать на чумных, плевать на гражданскую войну – я должна была добраться до регента и потребовать справедливости.

На родной земле меня встретил тусклый голос герольда, равнодушно зачитывающий указ молодой королевы, сменившей регента. Эйдо лишены титула, земель и всех прав состояния. Их владения королева подарила ордену Хранителей, защитившему столицу от чумных и вернувшему ей, дочери короля, трон, который узурпировал регент. Ордену, в лице его магистра – Ричарда Мортейна.

Так всегда делалось – любой указ, касавшийся всего королевства, не только развешивали на площадях и в трактирах, но и две недели зачитывали глашатаи по всей стране – для тех, кто не умеет читать.

– Туда и дорога, – сказал кто-то за моей спиной. – Попили они нашей кровушки!

Я оглянулась, но пойдя разгляди одного человека в толпе, клубящейся в порту.

Не может быть. Должно быть, я ослышалась. Что-то не так поняла. Сошла с ума – еще когда пришло то проклятое письмо.

Но буквы королевского указа, ясные и четкие, защищенные магией от дождя и солнца, гласили то же: у меня больше нет ничего. Ни дома, ни имени, ни прав. Я даже не простолюдинка. Не купчиха и не крестьянка. Я – никто. Любой может меня убить, если узнает. Просто так, забавы ради – и ему ничего за это не будет.

В трактире, куда я зашла не столько поесть – кусок в горло не лез – сколько послушать новости, только и говорили об ордене Хранителей и о его магистре. Люди устали от войны, крови, смертей, от чумных, от беженцев, которые все два года потоком шли сквозь эти земли в порт Локка, чтобы отправиться за море, надеясь хоть там укрыться от чумных. Они хотели мира и покоя, потому и уповали на орден, думая, что он может это обеспечить.

О магистре, правда, говорили разное.

Одни рассказывали о стратеге, сумевшем объединить раздираемые гражданской войной земли в единую армию, отбросившую чумных от столицы. Слушая рассказы незнакомых людей, я никак не могла поверить, что знаю человека, о котором они говорят. Рик, бесшабашный и смешливый, втроем с которым – и с моим братом Эдвардом, его ровесником – мы объездили верхом и их, и наши земли, сгнали со скал в море и разоряли улья диких пчел, чтобы полакомиться медом; Рик – магистр ордена? Стратег? Тот, кто на глазах всего Совета земель

вызвал на божий суд регента, обвинив его в убийстве короля и узурпации власти – вызвал и победил?

Другие говорили о сыне людей, намеревавшихся в обмен на корону снова отдать нашу страну Ландернау. О человеке, предавшем короля и заморочившем голову юной королевской дочери. О том, кто развязал гражданскую войну. Об изменнике, не доехавшем до эшафота. О мошеннике, который опорочил само понятие божьего суда, победив на нем лишь благодаря запретным ритуалам, чтобы посадить на трон свою любовницу, самозванку.

В то, что королева – самозванка, я тоже не верила. Чернь может болтать что угодно, но самозванец не пройдет испытание Негасимым пламенем, что пылает в столичном зале Совета уделов.

После того, как постригут каждого потомка правящего короля, первые волосы ребенка, смоченные каплей его крови и крови правящего короля – или королевы – отдадут неугасимому пламени. А перед коронацией будущий помазанник божий, совершенно нагой, как в тот день, когда пришел в мир, шагает в неугасимое пламя и остается невредим.

Если же династия меняется, новый претендент отдает огню горсть своей крови и следом ступает в пламя, отдаваясь на его милость, и только всевышнему известно, примет ли пламя нового властителя Краммиана. Тот же ритуал пришлось пройти и последнему королю – он родился в изгнании, в лесах на окраине страны, где скрывалась королева-мать. Родился, вырос и оттуда поднял восстание. Он погиб два года назад в бою с чумными, оставив взрослую дочь.

Потому, что бы ни болтала чернь, я знала, что королева не самозванка. Если ее приняло неугасимое пламя, значит, так тому и быть.

Но говоря о герое или злодее, все поминали только Ричарда Мортейна, нового владельца этих земель – да, формально королева отдала их ордену Хранителей, но править-то будет магистр. О членах нашей семьи, что двадцать поколений были здесь лордами, никто не вспоминал. Ни о матери, ни о брате я не смогла вызнать ровным счетом ничего. Одни на меня косились и отворачивались, другие раздражались проклятьями. Третьи пожимали плечами – дескать, кому интересно, что стало с прежними владельцами земель? Были – и сгинули, война все спишет.

О судьбе моих родных я узнала на следующий день, когда дошла пешком – коня я решила не покупать, учитывая все обстоятельства – до Клейдона, деревни в четырех лигах от замка. Когда-то эта деревня была большой и богатой, ведь именно здесь останавливались купцы, что шли от моря вглубь страны. Сейчас она выглядела сущим захолустьем. Правда, я не могла сказать, сама ли деревня пришла в упадок, или я привыкла к роскоши столицы Бенрида, где на улицах каждую ночь зажигали фонари, а нищих гнали за городские стены, чтобы не смущали достойных людей.

Но церковь Клейдона стояла, как и века до того. Преподобная мать, узнав мое имя, не погнала меня прочь, а благословила, хотя взгляд ее был полон жалости. Причину этого я узнала, когда она разрешила заглянуть в церковные книги, где записывались все родившиеся и умершие жители Клейдона и замка Эйдо.

Дату смерти отца я знала. Эдвард и Мартин умерли через месяц – судя по дате, в день, когда столицу осаждали армии чумных. Сражались ли они там или смерть застигла их в родных местах? Рассказать было некому. Мама пережила своих сыновей на две недели. Я осталась одна.

И, закрыв книгу, чувствуя на себя полный жалости взгляд преподобной матери, я поняла: единственное, что мне остается – пойти и убить Ричарда Мортейна. А после умереть самой.

Только не сумела ни того, ни другого.

Коридоры первого этажа замка выглядели так, словно в нем недавно шли бои: пятна копоти на стенах, обгоревшие гобелены, все еще воняющие гарью. Бурые пятна на полу, очень похожие на засохшую кровь. Свежие зарубки на дверях и дверных рамах. Все это было от

силы день-два. Но с кем хранители могли сражаться и как злоумышленники проникли внутрь? Замок Эйдо никогда не брали штурмом, так откуда следы битвы?

– Что произошло? – не удержалась я от вопроса.

– Чумные, – коротко ответил капитан.

– Но... как?

– Не знаю.

Так я ему и поверила. Не хочет рассказывать. Правильно, неприятно рассказывать, как хранители умудрились не только впустить чумных в замок – в замок, который ни одна армия не смогла взять штурмом, только предательством! Да не просто во двор, во внутренние помещения!

Этот хваленый магистр совсем мышей не ловит, что ли? Или его люди только со стражей воевать горазды, где сплошь простонародье, маги – только офицеры?

Зато стало понятно, почему про меня забыли. Когда на нижних этажах толпа чумных, не найдется самоубийц носить еду в подвал. А потом надо было заботиться о раненых, следить, не обратится ли кто из них, хоронить умерших, приводить в порядок замок... Повезло, что все-таки вспомнили. Или не повезло, как посмотреть.

Ни в коридорах замка, ни во дворе я не встретила ни одного знакомого лица. И меня никто не узнал. Смотрели – кто равнодушно, кто с любопытством, и только. Капитан выпроводил меня за ворота, сухо попрощавшись. Следующие четверть часа я шла, ожидая стрелы в спину.

Но ничего не произошло. Я была свободна.

Непонятно только для чего.

Когда я перестала ждать, что в спину вот-вот вопьется стрела или из-за дерева вынырнет десяток дюжих молодцев, которые под белы руки уволочут меня обратно в подвал, я вдруг поняла, что безумно устала. Меня затрясло – страх, который я слишком долго сдерживала, все-таки взял свое, хотя сейчас бояться было уже нечего. Снова закружилась голова, и начали подгибаться ноги.

Я сошла с дороги, села, прислонившись спиной к стволу старой березы, и замерла так, глядя в пространство перед собой. Не знаю, сколько так просидела, неспособная ни видеть, ни думать. Но в какой-то момент в сознание пробился шелест листьев, я ощутила прикосновение ветра, запах нагретого на солнце земляничного листа. Раздвинув листья, нашла и сунула в рот душистую и сладкую ягоду, мимолетно пожалев, что остальные, видимо, собрали до меня. Я жива. И, пока я жива, еще ничего не кончено.

Дорога выглядела пустынной, только ярдах в двухстах позади маячила одинокая мужская фигура – но прежде чем я успела взглянуться или насторожиться, человек свернул в лес, и стало вовсе безлюдно. А в былые времена тут все время сновали люди, пешком, верхом, на телегах, с подводами...

Впрочем, нашим землям повезло больше чем, скажем, владениям лорда Хойла – там чумные не оставили никого живого. Замок держался две недели, но как сражаться с противником, который не ест, не спит, не чувствует боли или страха, а просто прет с неумолимым упорством морского прилива? Когда каждый погибший в бою, скольких бы врагов он ни забрал с собой, после смерти может встать на сторону противника? По отдельности чумные глупее гномьего голема, но, собираясь вместе, под предводительством генерала, они обретают и разум, и хитрость, а некоторые даже способность к магии.

Говорят, магия хранителей умеет глушить эти способности, но и хранители не всемогущи. Так погиб король – то, что выглядело как очередной прорыв, оказалось ордой. Что на самом деле произошло в том бою, знал, наверное, только господь. Регент утверждал, что хранители предали короля, желая посадить на трон младшего сына Мортейнов, свою марионетку. Младший Мортейн утверждал, что регент, который был правой рукой короля при жизни его величе-

ства, предал своего сюзерена, отведя войска прежде времени. Божий суд – поединок – выиграл Ричард, но все знают, что бог на стороне более сильного. Хотя в этом случае, наверное, – более молодого, более быстрого, более выносливого... регент был героем еще той, первой войны, ровесником наших родителей.

Впрочем, правду наверняка знала и молодая королева. Ее считали погибшей, поэтому, когда она вернулась, и пошли слухи, будто это самозванка, несмотря на свидетельства тех, кто знал ее с детства. Но она во всем поддерживала своего любовника. Так что мне и думать не стоило искать у нее справедливости. Ничего, сама справлюсь. Что мне еще остается, в самом деле?

Хотя я начала в этом сомневаться, обнаружив, что когда я добралась до деревни, солнце уже висело над самыми крышами. То ли тащилась слишком медленно, то ли слишком долго просидела, ничего не соображая – как ни старалась, я не могла вспомнить, какое время дня стояло, когда я вышла из ворот замка.

Как бы то ни было, день клонился к вечеру и все, что мне оставалось – вернуться на постоянный двор в свою комнату, дожидаться утра, поспав, если удастся заснуть, а там решить, как поступить дальше. Не «что делать» – это я знала и так. Как? Как не попасться и как справиться?

Когда я лезла в родной замок, думала о мальчишке Рике, хоть и была уже наслышана о его делах. Незнакомый мужчина, которого я увидела сегодня, выглядел намного, намного более серьезным противником.

Эти мысли пришлось отодвинуть на край сознания – думать о подобных вещах нужно на сытый желудок и свежую голову, а мне все еще трудно сообразить, на каком я свете. Почему магистр меня отпустил? В жалость или еще какие трогательные чувства из прошлого верить не стоило. Он убил моего отца – какие уж тут сантименты? И во внезапный порыв я тоже не верила – не прожил бы он два года войны, если бы был склонен к внезапным порывам.

Значит, либо не считал опасной, либо имеет на меня какие-то планы. Начиная от самого простого – сделать так, чтобы все узнали о его милосердии – заканчивая какой-нибудь многоходовой комбинацией, которую я с ходу не просчитаю. Слишком многое изменилось и в жизни, и в раскладе сил, пока меня не было дома. Насчет первого – он здорово ошибается, со вторым я ничего не могу поделать, разве что внимательно смотреть по сторонам и слушать. Глядишь и пойму что-нибудь.

Колокольчик над дверью зазвенел, когда я шагнула в трактирный зал на первом этаже постоянного двора. За стойкой оказался сам хозяин. У него вытянулось лицо, и я преисполнилась самых дурных предчувствий.

– Воды в мою комнату и таз помыться, – распорядилась я, подходя к стойке. – И принеси поесть. Что-нибудь на свое соображение.

– Прошу прощения, госпожа... – начал было он.

Я мысленно вздрогнула. Я – леди Роза Эйдо, а не просто там «госпожа». По дороге к замку это обращение не так резало ухо: я до конца не осознавала потерю. Но сейчас, посидев в темнице собственного дома...

Смогу ли я к этому привыкнуть? Только когда увижу смерть того, кто отнял у меня все. А пока – придется потерпеть...

– Вас не было три дня, и я считал, что вы не вернетесь...

– И брошу вещи и деньги, на которые можно купить весь твой трактир? – возмутилась я. – К тому же я заплатила!

– Вы заплатили только за один день, госпожа. А прошло три, и...

Ну да. Это леди Розу Эйдо ждали бы, пока не соизволит вернуться или прислать человека, который заберет вещи и расплатится окончательно. А безымянную «госпожу»... Он вежлив

лишь потому, что понимает: женщина, осмелившаяся путешествовать в одиночку, может за себя постоять.

– И ты прибрал мои вещи к рукам?

– Что вы, все в целости и сохранности, лежит у меня в сундуке... Мне же надо было освободить комнату для постояльцев!

– Каких постояльцев? – усмехнулась я. – Вечер уже, а у тебя даже в трактире никого!

Словно опровергая мои слова, звякнул колокольчик над дверью, впуская молодого светловолосого мужчину в повидавшем виды камзоле. Мужчина кивнул хозяину и устроился за столом напротив двери.

– Пегги! – крикнул хозяин в дверь у себя за спиной и снова повернулся ко мне.

– Как я уже сказал...

Из-за его спины выскользнула дородная женщина в обсыпанном мукой переднике и устремила к новому гостю. Лицо ее показалось мне знакомым, но сейчас было не до того, чтобы вспоминать, где именно я ее видела.

– ...все в целости и сохранности, разве что я вычел плату за хранение...

Я зажгла на ладони язык пламени – далеко не самое эффективное боевое, но довольно эффектное заклинание, мигом напоминающее черни ее место.

– Так что там насчет платы за хранение?

– Ничего, миледи, я оговорился... Сейчас все принесу.

Вот то-то же.

Отсутствовал он минуты три. Вернувшись, с поклоном опустил на стойку мою дорожную сумку. Перебирать все вещи сейчас я не стала: если что-то пропало, спущусь и откручу пройдохе голову. Только вытряхнула на стойку кошелек и демонстративно пересчитала деньги. Подвинула к трактирщику несколько медяков:

– Мне нужна комната еще на сутки, таз помыться и еда. Начни с еды, я сяду здесь, в зале, пока готовят комнату.

– Как прикажете, миледи.

Я устроилась за столом, поближе к окну. Маленькие мутные стекла пропускали совсем немного света, а мне не хотелось жевать в полутьме. Насиделась в полнейшем мраке.

Женщина в осыпанном мукой фартуке поставила миску и кружку перед вторым посетителем трактира и подошла ко мне.

– Сегодня есть вареное пшено и похлебка, миледи.

Я мысленно вздохнула. Отец учил не кривиться от простой еды в дороге или в походе, но в замке стол всегда ломился от яств. Да и в пансионе готовили хорошо. Пшено на воде или похлебка невеста из чего – так себе выбор после дичи, дорогих сыров и фруктов. Я успела соскучиться по этому всему за две недели в пути. Придется отвыкать. Даже если я каким-то чудом останусь жива после того, как отомщу Мортейну, обходиться без разносолов придется очень и очень долго. Надо же будет зарабатывать себе на жизнь, а я понятия не имею, как это делается. Всю жизнь была уверена, что не придется...

– Пшено, и сдобри маслом, пожалуйста, – я улыбнулась ей, протягивая медяк... и вспомнила, где я ее видела.

Маргарет, повариха Мортейнов. Незадолго до моего отъезда мы гостили у них, и стол был великолепен. Матушка попросила позвать повариху, чтобы отблагодарить, и дала ей серебряную монету, еще одна досталась от леди Летисии Мортейн. Маргарет, а здесь ей приходится довольствоваться фамильярным «Пегги». Что заставило ее покинуть замок, где она жила в полном довольстве?

И, к слову, почему за все время я ничего не услышала про старших Мортейнов?

– Маргарет? – осторожно спросила я. – Ты ведь Маргарет, повариха Мортейнов?

– Да, – осторожно ответила она.

Я расплылась в улыбке. Странное дело, но я искренне обрадовалась ей, первому человеку из прошлой жизни – магистр не в счет.

– Простите, миледи, я вас не припомню.

– Ну, конечно, – я рассмеялась. – Откуда бы. Я видела тебя, когда тебя позвали к господам поблагодарить за прекрасный ужин.

– Такое часто бывало, – подтвердила она, не улыбнувшись. – И все же, миледи, простите...

– Я – Роза Эйдо, – сказала я и продолжала тараторить, словно маленькая девочка, встретившая давно не виденную подругу. – А почему ты здесь, разве господа...

Договорить я не успела: женщина плюнула мне в лицо.

Глава 3

Несколько бесконечных мгновений я лишь оторопело таращилась на нее, не до конца осознав, что произошло. Медленно стерла рукавом слезы со щеки, все еще глядя в перекошенное от ненависти лицо женщины.

А потом кровь ударила мне в голову и бешено заколотилось сердце. Мир сузился до этого чужого-знакомое лица, которое я прямо сейчас сотру из мира живых.

Повариху отнесло к стене – глухой удар, вскрик, вскрик, свистящий вдох – каждый, кто хоть раз приземлялся на спину плашмя, помнит, как на миг словно вышибает весь воздух из легких, и не сразу получается вдохнуть. Сама не помню, как оказалась рядом, заглядывая в ее, теперь уже распахнутые от страха глаза. Молча – угрозами и руганью сыплют только бессильные – я снова потянулась к магии. Простонародье боится огня, но сотня воздушных клинков куда смертоносней.

Сбитое кем-то извне заклинание отозвалось болью во всем теле – словно в позвоночник загнали стальной прут. Я едва удержала крик, застонав сквозь стиснутые зубы. Боль на миг отрезвила, но ярость тут же вернулась снова. Кто посмел вмешаться?!

Я развернулась, отступая чуть в сторону – чтобы видеть и повариху, жмущуюся к стене, и мужчину – того самого, светловолосого, который только что сидел у двери, готовясь поесть. Он приближался неторопливо, выставив в примиряющем жесте обманчиво-безоружные руки. Как будто никто не знает, что некоторые боевые заклинания не требуют ни жестового, ни вербального компонента – чистая мысль, чистая сила.

Зачем он влез? Что ему нужно? Бить ли первой, пока не ударил он? В учебном поединке все ответы известны, но что мне делать сейчас? Перед внутренним взором возникло укоризненное лицо матери – леди из семьи Эйдо начала трагичную потасовку, разве этому я тебя учила?

Пока мысли мельтешили роем вспугнутых мух, боль, наконец, отступила, перестала туманить зрение. Стало понятно, что на лице мужчины не было ни злобы, ни торжества. Скорее... сочувствие?

– Пощади ее, – мягко проговорил он.

– Она посмела... – Собственный голос показался мне незнакомым – ломким, звенящим, грозящим сорваться то ли в крик, то ли в слезы. Я сжала кулаки, ногти впились в кожу, боль напомнила, на каком я свете. – Она посмела меня оскорбить, – уже сдержанней выговорила я. – Равного я бы вызвала, прежде чем убить. Эту я вызвать не могу.

– Да, она тебе не ровня, – согласился незнакомец, все так же мягко и спокойно. – Ты можешь убить ее, не шевельнув и пальцем. И она не сумеет себя защитить.

Я словно наяву увидела отбелки факела на стене и ощутила тяжесть цепи и замораживающее нутро ощущение полной беспомощности.

Но я-то в своем праве!

Те двое, наверное, считали так же, ведь невиновные не сидят в кандалах.

– Милости, миледи! – Хозяин опомнившись, кинулся между мной и Маргарет, бухнулся на колени. – Посадите. Она припадочная...

– Кого вы молитесь о пощаде? – прошипела повариха.

– Заткнись, – отрезал мужчина. Вроде и голос не повышал, и к магии не тянулся, но Маргарет, и правда, заткнулась.

Он снова обернулся ко мне.

– На поединок ее не вызывать. Значит, это будет не воздаяние, а убийство.

– Так тем более ей следовало подуматься, прежде чем!.. Она это начала!

Прозвучало, надо сказать, так себе. Словно я оправдываюсь перед воспитательницей, разбирающей девчоночью драку в пансионе. Правда, там мы боевую магию в ход не пускали. После первой попытки — браслет с прадием на месяц, после второй — отчисление. И неважно, насколько знатен и богат род отчисленной.

Мужчина кивнул.

— Все совершают ошибки. Иногда непоправимые. Но ведь ты не убийца, Роза. Стоит ли ей становиться?

Откуда он знает мое имя? Ах, да, я же только что сама представилась и не особо понижала голос. В самом деле, все совершают ошибки. Он мог бы не разрывать заклинание, а сразу бить насмерть, ведь я — никто, со мной так можно...

Как можно было леди Розе Эйдо на своей земле наказать простолюдинку, как заблагорассудится. Никто ничего не скажет. Разве что пожурят — дескать, можно было и позволить себе проявить милосердие, тем более к женщине...

— Что я тебе сделала? — снова развернулась я к ней.

Женщина выплюнула поток брани, а потом, осекшись на полуслове, вдруг разрыдалась, заткнув лицо передником.

— Она припадочная, видите? — снова встрял хозяин.

Да уж, очень похоже на то. Странно, что Мортейны вообще держали такую. Хотя, может, во время войны повредились в уме? Кто знает, что тут творилось тогда? Я медленно выдохнула. Ярость угасла, оставив гулкую пустоту внутри. Недоумение от незаслуженного оскорбления тоже постепенно стихало, сменяясь усталым безразличием. Кажется, за последние дни мне досталось столько впечатлений, что у разума кончились силы на них реагировать.

— Ты не убийца, — повторил незнакомец. — А смерть — единственная ошибка, которую уже не исправишь.

Мне и в самом деле еще ни разу не приходилось убивать. И сейчас уже не хватит духа. Одно дело — стереть в порошок врага, другое — хладнокровно убить женщину, пусть даже и оскорбившую меня. А сейчас будет именно «хладнокровно»: я все еще рассержена, но уже не взбешена, уже понимаю, что творю. Отец мог помнить оскорбление десятилетиями. А я, видимо, пошла в мамин род — быстро вспыхиваю, быстро остываю...

Я подхватила со скамейки сумку. Шмякнула белобрысого об стену — кухарка мне не ровня, а вот он — да, и нечего было влезать. Хлопнула дверь.

Захочет поквитаться — догонит.

Топот за спиной я слышала, уже выходя за околицу — топот и учащенное дыхание. Потянулась к магии, «оглядываясь» по сторонам — нет, нападать он не собирался.

— Роза, подожди!

Я обернулась.

— Подожди, — повторил он, останавливаясь в двух шагах. — Я хотел извиниться.

Он глубоко вздохнул, переводя дух. Неужели от самого постоянного двора бежал?

— Извини, что влез. Подумал, что ты об этом пожалеешь, когда остынешь, вот, и... — Он развел руками и обезоруживающе улыбнулся.

Я пожала плечами.

— Сейчас я жалею о том, что послушала тебя. О своей слабости.

Отец сказал бы, что нельзя спускать оскорбления. Что следовало ее убить, дабы неопасно было другим. Не то чтобы мысль об этом доставляла мне удовольствие — я и в самом деле не убийца. Но...

— Мой отец сказал бы сейчас, что стоит один раз показать свою слабость, и тебя сожрут.

— Но ты — не твой отец. И милосердие — не слабость.

Я усмехнулась.

— Откуда ты взялся, такой праведный, на мою голову?

Он рассмеялся.

– Меня зовут Алан. И я вовсе не праведный.

Алан, значит. Лет на пять старше меня. Светлые встрепанные волосы, смешливые серые глаза, приподнятые в полуулыбке уголки губ. Такие лица я видела на балах в Бенриде – словно у их обладателей вовсе не было никаких забот, кроме, разве что, желания снискать расположение дамы. Хотя этому, кажется, вовсе не стоило о подобных вещах беспокоиться – достаточно улыбнуться, и девицы сами в очередь выстроятся. Даже несмотря на выдавшую виды одежду: дублет, хоть и чистый, подвыцвел от солнца и стирок, штаны залатаны на колене, только сапоги выглядят новыми, и плащ из добротной шерсти, хотя тоже уже поношенный.

– А откуда взялся... – Он снова улыбнулся. – Это долгая история, даже не знаю, с чего начать.

– С начала, – сухо сказала я, давая понять, чтобы не расточал улыбочки всеу. Сейчас мне вовсе не до флирта. – Спешить мне некуда.

Вовсе некуда. Заночую где-нибудь в лесу, с костром не замерзну, подумаю как следует, и снова – в замок. В этот раз чтобы наверняка. Это будет не убийство. Месть.

– Ну если сначала... – Он возвел очи горе, точно припоминая. Заговорил нараспев: – Вначале тьма была безвидна и пуста, и...

Я фыркнула, и Алан расхохотался, так заразительно, что я невольно улыбнулась вслед за ним. Впервые за, кажется, бесконечное, время. Хотя какое там бесконечное – две недели...

При этом воспоминании улыбаться сразу расхотелось.

– Не настолько сначала.

– Как хочешь. И все же... так и будем стоять? Может, сядем, или пойдем? Ты куда, кстати, шла?

– Тебе не все ли равно?

– Ровным счетом все равно. – Его лицо снова осветила улыбка. – И совершенно все равно, куда идти самому, особенно если компания хорошая.

Я подняла бровь, скептически глядя на него. Алан посерьезнел.

– Слушай, я понимаю, что каждый первый мужчина начинает рассказывать тебе, что другой такой нет в целом свете, а каждый второй пытается сорвать хотя бы поцелуй...

Меня передернуло, и он снова поднял ладони в том же жесте, что я видела в таверне. Словно говоря – вот он, я, весь перед тобой, без оружия и не замышляю ничего дурного.

–... но я безобиден, правда. А вдвоем в самом деле веселее. И безопасней.

– Я не боюсь.

– А еще отрастила глаза на затылке и разучилась спать? – поинтересовался он. – Говорят, в округе снова появились чумные.

– Я не боюсь, – повторила я и уточнила: – Чумных. И не вижу повода доверять человеку, которого знаю от силы четверть часа.

Каждый первый среди знакомых мне мужчин оскорбился бы, ведь предполагалось, что он – защитник, а не угроза. Каждый второй начал бы доказывать, что он человек чести, а не какой-то там... Впрочем, раньше мне и в голову бы не пришло опасаться, пусть даже едва знакомого. Мой мир до сих пор был миром красивых женщин и галантных мужчин, а опасности – это то, рассказ о чем щекочет кровь, как баллады о прошедшей войне или охота на хищника, а не вполне реальная вероятность погибнуть.

Алан не оскорбился. Посмотрел на меня без тени усмешки.

– Резонно. Но... – Он пожал плечами. – Как я могу подтвердить, что не желаю ничего дурного? Слова останутся словами.

– А зачем что-то доказывать? У тебя своя дорога, у меня своя.

– Говорю же, чумные. – Он поежился. – Сталкивался с ними пару раз, едва ушел. Так хоть по очереди можно караулить.

– Только не говори, что не знаешь охранных заклинаний.

Защитный круг может быть разной силы – какой-то просто разбудит тех, кто внутри, другой отбросит врага, а может и испепелить на месте.

– Знаю, раз до сих пор жив. Только чумные редко ходят по одному. – Алан помолчал. – Что до того, можно ли мне доверять...

Он повернулся к разбитому молнией дубу. Гроза прошла совсем недавно – на неопаленной половине ствола даже листья еще не привяли. Быстро, но безукоризненно точно сплелись пальцы, свистнул воздух – я едва ойкнуть успела, как могучий ствол в два охвата осыпался щепой.

Сотня воздушных клинков только называется так – создать всю сотню умеют единицы. Мой предел – тридцать. В общем-то для практических целей достаточно меньшего количества. Здесь было – сколько? – не успела сосчитать.

Алан перевел на меня взгляд. Очень спокойный. Очень уверенный.

– Мог бы я сделать то же самое в трактире?

– Мог бы, – признала я.

Я бы и пикнуть не успела, просто потому, что не увидела, что он делает. Там я вообще ничего вокруг себя не видела. Сейчас, если бы заклинание летело в меня, я бы успела собрать щит... может быть. А может, и нет. Проверять в боевом режиме не хотелось. Я видела, что это заклинание – даже в моем исполнении – способно сделать со свиной тушей.

Если бы Алан захотел, там, на постоялом дворе, он оставил бы от меня мокрое место. В прямом смысле.

А я его – спиной в стену!

– Я, говорит, безобидный, – усмехнулась я.

Он снова широко улыбнулся.

– Я же не сказал «не опасен».

– А что, есть разница?

– Конечно! Я опасен, ты опасна, как и любой маг. Но я не намерен тебя обижать. Ни словом, ни делом. Разве что случайно... тут уж заранее не предскажешь. Но вдвоем действительно безопасней.

– Даже такому, как ты?

– А что я, не человек, что ли? Так-то я и не боец особо, так... нахватался. Ну, и дома учили, как всех...

– А кто ты?

Я имела в виду «чем занимаешься, если не боец» – на наемника он в самом деле не походил. Но он понял по-своему.

– Алан Мид.

– Роза Эйдо, – машинально представилась я, хотя Алан уже знал, как меня зовут. Но ум был занят другим. Семья Мидов при определенных обстоятельствах может претендовать на престол – тогда почему человек, представляющийся этой фамилией ходит в повидавшей виды одежде? Алан Мид... Имя было связано с чем-то скандальным. Вспомнила!

Последний светский скандал, случившийся перед самым моим отъездом из дома. Младший из пятерых братьев Мид. Что-то там было про девушку, друга и поединок. То ли он увел девицу, то ли девица его...

Ах, да! Увел девушку у друга, тот вызвал его на поединок и погиб. А скандал случился потому, что оба участника были вроде как несовершеннолетними, и ответственность за них должны были нести родители – так что дело едва не кончилось кровной мстью, сам король собирался мирить два повздоривших рода. Помирил ли?

– Тот самый Алан Мид? – спросила я.

Он поморщился.

– Надо же, насколько у людей долгая память.

– Это последняя сплетня, которую я успела услышать перед отъездом в Бенрид. Извини, если задела.

– А когда вернулась?

– Два дня назад. Но ты не ответил.

– Я ответил. А потакать твоему любопытству не собираюсь.

– Вообще-то это не я к тебе в попутчики напрашиваюсь, – ехидно проговорила я.

Алан обреченно вздохнул.

– Хорошо. Что ты хочешь знать?

– Да ничего, в общем-то. Просто...

Я замялась, подыскивая слова. Не говорить же открыто – ты прославился не просто как дамский угодник, а как человек, который не слишком заботился о репутации девушки да еще и убил лучшего друга. А потом уверяешь, что ты безобиден?

Впрочем, какая мне разница, в самом деле?

– Извини. Глупо с моей стороны. И разговор этот дурацкий. – Я махнула рукой и, отвернувшись, пошла прочь. – Не стоило все это затевать, – проговорила я, чуть замедлив шаг, но не оборачиваясь. – Я все равно не знаю, куда иду и зачем, поэтому... незачем.

Никуда я не иду, на самом деле. Была бы я парнем, оставался бы смысл цепляться за жизнь – род должен продолжаться. Титул можно и добыть мечом или верной службой, в конце-то концов. Лишь бы не пресекся род. Но оба моих брата мертвы. Род Эйдо мертв. Даже если я вдруг, убив магистра, уйду, даже если выйду замуж, и у меня родятся дети, они будут носить другую фамилию. Хотя сейчас сама мысль об этом не вызывала ничего, кроме горькой усмешки. «Мертвы», – гудело набатом в голове. «Все мертвы». Алан отвлек меня – ненадолго, и спасибо ему за это. Но...

– Мне сейчас не нужно ничье общество, – повторила я, не оборачиваясь. – Извини.

Я прибавила шагу.

– Да погоди ты! – воскликнул он. Догнав в несколько прыжков, ухватил за рукав, разворачивая. Я зашипела, потянувшись к магии – шарахнуть чем-нибудь не убийственным, просто чтобы этот прилипчивый тип отстал.

– Думаешь, я не вижу, что ты сама не понимаешь, на каком свете? – негромко проговорил Алан. – Куда ты пойдешь одна в таком состоянии? До первой осины с веткой поудобней? Или до первого чумного?

До своего замка. А потом вопрос «куда пойти» перестанет быть актуальным.

– Не все ли тебе равно? – усмехнулась я.

– Не все равно. Потому что я еще помню, каково это.

Откуда бы? Его-то все живы. Хотя... война ведь была.

– Твои тоже?..

– Фрей погиб, прикрывая обоз с беженцами от чумных. Остальные живы. Но я не о том. После той дуэли... – Алан вздохнул. – Слушай, не знаю, как ты, а я так и не успел поесть. Давай-ка сядем, заморим червячка, заодно и поговорим.

Я хотела было сказать, что вовсе не голодна, но живот предательски заурчал.

– Я не вернусь на постоянный двор.

– Да и чумные с ним. У меня есть сухари и немного сыра. Будешь?

– Нечем отдаривать.

– Да брось ты, – отмахнулся он.

Алан шагнул с дороги, потянув меня за рукав, уселся, скрестив ноги. Хлопнул ладонью рядом.

– Не дури. Даже идти куда глаза глядят лучше на сытый желудок.

Я, помедлив, опустилась рядом. Алан достал из мешка тряпичный узелок – ткань выглядела белоснежной. Внутри действительно оказались сухари – белые, душистые.

– Вина? – предложил он, вытащив следом флягу.

Я покачала головой. Слишком велик соблазн напиться и ни о чем не думать.

– У меня вода есть.

Свежая, сегодня только набрала из родника. Родников на наших землях было много...

Алан с аппетитом захрустел сухарем, прожевав, сказал.

– Догадаться, что тебе сейчас хреново... извини уж, отвык от галантного обхождения – много ума не надо. Ты – Эйдо, а что с ними случилось, ни для кого не секрет.

– Для меня... – Я глотнула ком в горле, заставила себя вдохнуть и выдохнуть. Нельзя плакать. – Для меня секрет. Про отца мне написали, а как умерли мама и братья... – Голос сорвался, пришлось замолчать. – Если ты знаешь, что... – Да что ж так трудно дышать! – Что на самом деле случилось с моей семьей – расскажи.

– Точно могу сказать только про Эдварда и Мартина. Братья?

Я кивнула. Говорить сил не было.

– Я видел их имена в списках погибших во время обороны столицы.

Что ж, по крайней мере, не в тюрьме и не на плахе – или что там еще могли сотворить победители с теми, кого называли изменниками?

– Ты там был? В столице?

Алан кивнул.

– Пару раз, значит, чумных он видел, – не удержалась я. – Еле ноги унес, значит.

Не стоило, наверное, открыто уличать его во лжи, следовало бы подождать, пока нестыковок в рассказе накопится побольше, да сделать выводы самой. Или просто уйти, ничто ведь не обязывает меня поддерживать знакомство. Но я никогда не была сильна в интригах, а теперь и вовсе не способна была думать хотя бы на шаг вперед. Не существовало никакого «вперед». Было только бесконечное «сейчас» – и темнота дальше.

– Еле унес, – подтвердил Алан. – А в столице я больше занимался ранеными, чем сражался. Бойцов там и без меня хватало, а вот целителей...

Может, и не врёт. Но не это сейчас интересовало меня по-настоящему.

– Ты их видел? Тела?

– Не могу сказать. Я не знал в лицо твоих братьев. Видел только имена в списках. Туда добавляли сведения все, кто мог опознать хоть кого-то из мертвых. В тот день многие погибли... – Его лицо на миг потемнело. – Два моих лучших друга остались там.

Я кивнула. Если он не видел тела, а в списки добавляли имена все, не особо проверяя погибших – может быть, есть еще надежда? Какая-то вероятность ошибки? Могли ведь и перепутать. По слухам, чумные прорвались за ворота в городские кварталы – погибшие исчислялись сотнями. А то и вовсе имел место злой умысел – объявить наследников рода Эйдо мертвыми, и пусть доказывают, кто они на самом деле. Впрочем, в этом нет смысла, мы и так объявлены никем... По большому счету, я и на фамилию сейчас права не имею – ведь она неотделима от титула, а титула нас лишили.

Грудь словно сковал ледяной обруч, мешая дышать.

– А... мама? Ты что-нибудь слышал? В церковной книге была только дата смерти.

Приди письмо на полтора месяца раньше, я бы успела ее увидеть. Может быть, даже смогла бы что-то изменить.

– Что стало с леди – не знаю. По слухам, у нее случился разрыв сердца, когда она узнала о судьбе сыновей.

Я опустила голову. На что я надеялась, собственно? Что в записи вкралась какая-то ошибка? Что случится чудо?

Алан вдруг сгреб меня в объятия, прижал к себе.

– Да проревись ты, – прошептал он мне в макушку. – Нельзя ж так, на тебя же смотреть больно...

От него – точнее, от его дара – пахло липовым цветом и малиной. Как от тех отваров, которые няня давала мне в детстве после того, как я возвращалась домой в мокрых рукавицах, весь день прокатавшись на санках с горы или играя с братьями в снежки. Я прокусила губу – рот наполнился металлическим привкусом крови. Повела плечами, высвобождаясь – Алан держать не стал.

Я криво улыбнулась, отодвигаясь в сторону.

– И что, это вернет мертвых?

– Станет легче.

Я покачала головой.

– Слезы выматывают, но ничего не меняют. – Я проверила это совсем недавно, сидя в крошечной тьме. – Справлюсь. По крайней мере, маму не вышвырнули из собственного дома. И ей не пришлось просить милостыни у родни.

– Как тебе? – поинтересовался Алан.

Я вздернула подбородок.

– Я ни у кого не просила милостыни и не намерена этого делать. Или найду способ себя прокормить, или сдохну с голоду.

Алан вдруг широко улыбнулся.

– Я сказал себе так же шесть лет назад. Как видишь, не сдох. И ты справишься.

Я пожала плечами. Посмотрим. Пока у меня одна цель, будет ли что-то потом – известно лишь богу.

– Да ты ешь, – спохватился он.

Я обнаружила, что до сих пор сжимаю в руке сухарь. Отгрызла кусок, не почувствовав вкуса. Надо есть. Иначе я ослабею. Надо жить.

– Я обещал рассказать о себе. – Алан помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли подбирая слова. – Дурацкая вышла история. Два самовлюбленных сопляка повздорили. Знаешь, как это бывает – зацепились языками на ровном месте, слово за слово... я даже не вспомню сейчас, что именно мы друг другу наговорили. Только дело было на балу, я решил позлить Дилана и начал откровенно ухаживать за его возлюбленной. Ну, ты понимаешь – улыбаться, прижать чуть крепче во время танца, шептать на ушко всякие глупости на грани приличий, чтобы она смеялась и краснела, а он злился...

Я кивнула. Эта игра никогда не меняется.

– Я был совершенно уверен, что Джоан его любит, потому танцами и улыбками на этом балу все и закончится. – Алан вздохнул. – Только оказалось, что Дилан был вовсе в этом не уверен. И после того, как я протанцевал с ней второй подряд танец...

Я покачала головой. Вообще-то это уже было на грани приличий. Два танца подряд допускалось танцевать только с женихом после помолвки или с мужем.

– Знаю, – кивнул он. – Говорю же, дурак был. В общем, Дилан швырнул мне в лицо перчатку. При всех.

И замять дело уже не получилось.

– Сейчас я понимаю, что даже после этого все можно было остановить, – в голосе Алана прозвучала горечь. – Если бы сэр Грей...

Сэр Грей? Друг отца?

– ...приехавший обговаривать условия поединка, предложил мне извиниться – а он должен был это сделать как секундант оскорбленной стороны – я бы согласился не раздумывая.

Так вот откуда я знаю эту историю. Сэр Грей, видимо, и рассказал. Может быть, и при нас, детях.

– Я не хотел его убивать. Был уверен, что Дилан поставит щит, потом тоже бросит в меня что-нибудь, я легко отобью, на том все и закончится. Я ведь никогда не был бойцом. Только щит он поставить не успел.

Глава 4

Алан надолго замолчал. Я тоже не говорила ничего – да и что тут скажешь?

– Я хотел поехать к его родителям вместе с телом. Понятно, что никакие извинения не помогут, и все-таки так казалось правильным. Думал, убьют – так убьют. Сам виноват. Сэр Грей отговорил. Дескать, кому станет легче, если еще и мои родители потеряют сына. – Он снова горько усмехнулся. – Только отец, выслушав подробности, обозвал меня безмозглым выродком и велел мне убираться с глаз долой. Я и убрался. Совсем.

– А ты уверен... – Я осеклась. – Извини.

Это мне сейчас казалось чем-то чудовищным, если самому отрезать себя от семьи. Я бы простила им что угодно – лишь бы живы были. Алан мог судить иначе. Поэтому не стоит спрашивать, уверен ли он, что правильно понял отца. Задним умом все крепки. Да и... хотел бы – давно вернулся и поговорил бы. Похоже, нашла коса на камень. А может, и возвращался, и пытался поговорить. И незачем бередить старое праздным любопытством.

– Уверен ли я, что он имел в виду именно это? – усмехнулся Алан. – Нет. Но мама всегда говорила, что отец – редкостный упрямец, а я – еще хуже. Я ей пишу время от времени, чтобы знала, что жив-здоров. Может, она и отвечает – только я не остаюсь на одном месте так долго, чтобы дожидаться письма.

Алан помолчал.

– Может, оно все и к лучшему. Пятому сыну все равно ничего не светило, а так – лучше, чем наемником.

– «Так» – это как? – поинтересовалась я.

– Странствующим целителем. Сам себе хозяин.

Я вытаращила на него глаза.

– Целителем? Не знахарем?

– Обижаешь, – ухмыльнулся он. – Зелья, конечно, тоже собираю, как без них. Но настоящие, зачарованные, не просто травы. Хотя без травок тоже никак, само собой. При болезни королей, например, хороша вишня, а при долгой хандре – зверобой...

– Но почему? – не удержалась я от любопытства. – Ты мог бы наняться в любую знатную семью, или в любую из столичных лечебниц. Не пришлось бы... – Я осеклась.

– Ходить в латаных штанах? – рассмеялся Алан. – Невелика плата за свободу.

– Свободу?

– Конечно. Нанявшись к какому-нибудь лорду, я стал бы прислугой. Пусть очень дорогой и образованной – но все же прислугой, пусть почти равным – но все же «почти». Тем, кто полностью зависит от жалования и настроения господина. Захочет – заплатит. Захочет – велит прогнать. А так я сам прихожу в замок и спрашиваю, нужна ли помощь целителя. И если нужна – остаюсь. На своих условиях. И ухожу, как только перестаю быть нужным.

Он улыбнулся.

– Может, лет через десять, когда я стану старой развалиной...

Я фыркнула. Лет через сорок – может быть.

– ...такая жизнь мне надоест, и я променяю ее на теплый угол и каждодневную похлебку, – продолжал Алан, словно не заметив моего смешка. – А пока – я свободен как ветер, и меня это устраивает. Собственно, потому я так уверенно и напрашивался в попутчики – мне все равно, куда идти. Везде будут больные или раненые... а сейчас так особенно.

– Война же закончилась.

– Ой ли? – протянул Алан. – Очень многие решили под шумок прихватить соседских земель. А теперь хозяева собираются вернуть их обратно – и далеко не все пишут прошения королеве. Да и болезни... в войну желудочный катар кажется мелочью, поболит – и перестанет.

А потом оказывается, что совершенно ничего невозможно есть, кроме жидкой каши. И так со всем. Работы хватит, куда бы мы с тобой ни пошли.

– Мы с тобой? – подняла бровь я. – Разве мы уже идем вместе?

– А разве нет? – Он обезоруживающе улыбнулся. – После того как я, можно сказать, душу излил, меня отвергают?

Я почему-то смутилась.

– Дело не в тебе, дело...

– ...во мне. Когда так говорят, дело обычно оказывается как раз таки «в тебе».

– Да перестань ты, я вовсе не о том!

– Так и я не о том, – Алан снова посерьезнел. – Ты сейчас не знаешь не только куда идти, но и как жить, и стоит ли вообще жить.

– Да назло им всем не умру! – вскинулась я.

– Для начала – и это сойдет. Но раз тебе все равно куда идти и мне все равно – так давай вместе пойдем все равно куда! И веселее, и спокойней... А там разберешься, что ты хочешь от этой жизни.

Это я и так знаю. Чтобы моя семья была жива, а магистр – мертв. Только...

– ... я имею в виду из осуществимого.

– Мысли читаешь? – не удержалась я.

– Нет, у тебя на лице все написано, только дурак не поймет.

А ты не дурак.

– Да и вообще... – Он протянул мне сверток с сухарями. – Еще будешь?

Я помотала головой.

– Тогда пойдем. – Алан вернул еду в сумку и поднялся. – Поищем ночлег.

– Эй, я еще не согласилась!

– Завтра разберемся, на свежую голову, – отмахнулся Алан. Протянул мне руку. – Пойдем. Вечереет, а спать в чистом поле опасно.

– Я ночевала в лесу по дороге из Локка, – сказала я, не торопясь опираться на протянутую руку.

Не рассчитала путь, не подумав, что в этот раз еду не верхом и не в карете.

– Нодья, охранный купол, прекрасно проспала всю ночь.

– Повезло, – без тени улыбки произнес Алан. – Я бы не рискнул.

Я внимательно посмотрела на него. Нет, похоже, не врёт и не запугивает. Неужели в округе и в самом деле беспокойно? Потому и дорога пустынна, и постоялый двор? Оперлась на протянутую ладонь – широкую и крепкую. Алан вздернул меня на ноги, легко, точно пушинку, подхватил за талию, едва я пошатнулась, и выпустил, когда я утвердилась на ногах.

Показалось мне, или его рука задержалась на талии чуть дольше, чем следовало?

– Там, в паре лиг от большой дороги, есть село поменьше, – сказал он, не замечая моего смущения. – Поищем, кто пустит заночевать.

Я покопалась в памяти – да, было село. Не маленькое – дворов двадцать – но и не такое большое, как Клейдон, где до войны было больше двух сотен дворов.

– А что нам мешает остановиться прямо здесь? – поинтересовалась я. – И никуда не идти? Сам же говорил, в округе беспокойно.

– В Клейдоне привыкли кормиться с проезжающих. Нас обдерут как липку. Ты разве не заметила, что на постоялом дворе цены поднялись втрое, если сравнивать с довоенными?

– Меня не было здесь шесть лет, – зачем-то начала оправдываться я.

– Извини, забыл. Словом, они поднялись. Так что мы пойдем туда, где жители не настолько избалованы путешественниками, – с этими словами Алан свернул на развилке в лес. И тут же остановился так резко, что я едва не ткнулась носом ему между лопаток. Высунулась из-за его спины и обнаружила трех верзил.

От того, как они держали мечи – дрянные, надо заметить – хотелось то ли смеяться, то ли плакать. Разбойнички...

– Кошелек и девку, – потребовал один.

Алан приподнял бровь.

– Помилуйте, откуда у меня кошелек?

Кто-то резко дернул назад за плечо, и прежде, чем я успела сообразить, что происходит, меня обхватили поперек груди, прижав к телу – давно немытому телу – а шеи коснулся нож.

– Девка твоя больно громко орала, что может весь постоянный двор купить, – прорычали у меня над головой.

А больше ничего эти идиоты не слышали? Про магию, например?

Я встретила взгляд с Аланом. Потянулась к магии – пока не выплетая заклинание до конца, только чтобы он заметил – и понял.

– Мужики, вы уверены? – спросил он, глядя мне в глаза. – Ваша жизнь на кону, не моя.

«Мужики» предсказуемо заржали, тот, что меня держал, даже на миг расслабил руку с ножом. Чем я и воспользовалась, магией рванув клинок от шеи и одновременно со всей силы наступив разбойнику на стопу, где подъем. Вес во мне птичий, конечно, но ему хватило, чтобы охнуть – а, может, он просто ошалел от того, что нож ожил и рванул из пальцев.

Я подхватила еще теплую рукоять в воздухе – едва не выскользнула из вспотевших ладоней – развернувшись, всадила нож мужику в грудь, действуя совершенно бездумно: тело само вспомнило, чему его учили. Разбойник вместо того, чтобы упасть замертво, попытался меня сграбастать. Я отшвырнула его магией, шмякнув о ближайшую осину – мужик сполз по стволу, и, наконец, затих.

Я обернулась – кровь колотилась в висках, мешая дышать. Алан убрал нож в ножны, бросил на траву тряпицу, которой только что вытирал оружие. Бурая, в алых пятнах тряпка плавно опустилась, закрыв лицо того, что требовал кошелек и девку. У лежавшего рядом не было головы. Третьему досталась та самая сотня воздушных клинков – или на сколько там способен Алан, и я отвела взгляд, едва заметив алое. В свиных тушах не было столько крови...

К горлу подкатило, рот наполнился кислым.

Алан оказался рядом мгновенно, обнял, притиснув к себе так, что я ничего не видела, но липовый цвет и малина все же не могли заглушить мерзкого запаха. Меня затрясло.

Надо было вывернуться, пойти самой, это ж просто неприлично так прижиматься к почти незнакомому мужчине, но я только крепче вцепилась в его дублет, позволяя себя вести.

– Садись, – сказал, наконец, Алан. Все еще придерживая за плечо, помог опуститься на бревно.

Я судорожно вздохнула, поежилась. Оказывается, человек с проткнутым сердцем еще пытается тебя убить, не понимая, что сам мертв. А поле боя воняет не только кровью, но и дерьмом. Я сглотнула горький ком, снова подкативший к горлу, и не сразу заметила, что Алан протягивает флягу.

– Держи. Осторожней только, крепкое.

Я помотала головой.

– Не дури, – сказал он.

Помедлив, я все же взяла флягу, из горлышка которой остро шибало хмельным. Закашлялась, едва не разлив содержимое – рот и горло обожгло.

– Что это за гадость?

– Перегнанное вино.

Я нахмурилась – вообще, такие вещи должны быть по моей части, я же алхимик, как-никак. Но разум отчаянно отказывался подчиняться, пока я с усилием, словно выдирая пальцами гвоздь из стены, не выкопала воспоминания.

– Из Ландернау, что ли, вез?

Там, говорят, придумали пропустить вино в перегонный куб, и то, что получалось, по слухам, сшибало с ног с одного кубка. Какой там кубок, у меня от неполного глотка в голове зашумело! Но как можно по доброй воле пить эту гадость?

– Если из Ландернау – он золотым выходит, откуда у меня деньги? – ухмыльнулся Алан. – Сам перегнал. Из браги. Отличная штука: и раны обеззараживает, и мозги прочищает.

– По-моему, наоборот.

– Это ты просто мало выпила. Глотни еще. Одного глотка хватит. – Он помолчал и добавил: – Я же говорил, что ты не убийца.

Перед глазами, словно наяву, снова встал тот мужик с ножом в груди, я, зажмурившись, мотнула головой и выпила еще. На какой-то миг действительно стало ни до чего – отдышаться бы. Отчаянно кашляя и хватая ртом воздух, я вернула флягу.

– Привыкну.

– А оно тебе надо – привыкать?

Я пожалала плечами. Алан озабоченно оглядел меня с головы до ног.

– Подождешь меня с полчаса? Пойду, пошарю...

Меня передернуло.

– ... да и обычай требует вздернуть труп разбойника за ноги на дерево.

– А это действительно нужно? – поинтересовалась я, в который раз пытаюсь подавить тошноту.

– Чтобы другим неповадно было. – Алан пожал плечами так спокойно, будто говорил об испорченной одежде.

Я покачала головой.

– Не понимаю. Они совсем-совсем идиоты? Напасть на мага?

– Голод и отчаяние толкают людей на страшные вещи, – негромко проговорил Алан. – Если бы они потребовали только кошелек, я бы позволил им уйти.

– А они бы потом отобрали последнее у того, у кого не хватит сил – или хватит совести... кого отчаяние толкнет не на большую дорогу, а в петлю.

– Тоже правда. – Алан глянул в ту сторону, где лежали трупы, и махнул рукой.

– Чума с ними, от пары медяков не разбогатеет. Пойдем отсюда.

В деревне Алан решительно миновал несколько добротных домов и остановился у покосившегося плетня. Я с сомнением разглядывала потемневшую дранку на крыше, кажется, даже с прорехами, окна, наглухо закрытые ставнями – видать, стекол в них вовсе не было. Глина, которой обмазан сруб, потемнела и потрескалась. Более-менее ухоженным выглядел только огород – ровные грядки со свеклой и морковкой, пышные кусты капусты, еще не закрутившейся в кочаны. Никаких сорняков. Видать, с огорода только хозяева и кормятся...

– Или вдова, или бобыль старый живет, – сказал Алан. – Такие охотней пускают, все приработок. И дети по головам скакать не будут.

По мне – так и пусть дети скачут, лишь бы чисто было внутри. Отец говорил: чернь живет в грязи. Если что, заночую во дворе.

Я бы не взялась гадать, сколько лет хозяйке – может, тридцать, может, шестьдесят, а то и все шестьсот. Волосы скрыты платком, лицо выдублено солнцем, загар подчеркивает все морщины. Руки – заскорузлые, с широкими, как у мужчины, ладонями и глубокими трещинами, куда намертво въелась земля. Босые ноги, припорошенные пылью. И по тому, как она поклонилась гостям, даже мне, не слишком разбирающейся в хворях, стало ясно, что со спиной у нее не все ладно. Алан поклонился в ответ – как равной, пришлось и мне склонить голову. Я решила молчать, слушать и делать выводы, и так уже наворотила сегодня дел.

– Пустишь заночевать, хозяйшкa? – улыбнулся Алан. Да так улыбнулся, будто в целом свете не было никого прекрасней этой скрюченной тяжелым трудом и невзгодами женщины.

– Пустить-то пушу. – Ее лицо смягчилось. – Чай лавок не пролежите. Только кормить нечем, не обессудьте.

– Были бы стены и крыша, а с остальным мы разберемся, – снова улыбнулся он.

– Проходите.

Я зашла вслед за Аланом, огляделась. Топили в избе по-черному – копоть ровным слоем покрывала потолок и примерно пол-ярда стены, ниже она была чистая, беленая. Земляной пол, присыпанный чистым песком, выскобленный добела стол, широкие лавки вдоль стен, похоже, заменяющие кровать и самой хозяйке. Большой сундук в дальнем углу.

Чисто. Остальное – ерунда.

Алан тоже огляделся, сунул мешок под лавку. Повернулся к женщине.

– Позволишь, хозяйка?

Не дожидаясь ответа, сплел заклинание. Хозяйка охнула, как-то неловко выпрямилась, вытянувшись в струнку, обмякла. Неуверенно повела плечами, а потом склонилась едва ли не до земли.

– Благодарствую, господин целитель. Только отплатить мне нечем.

Оно и так видно, что нечем. За услуги мага-целителя в столице платят золотом, а у этой и медяка, наверное, не наберется.

– Ты уже отплатила, – отмахнулся Алан. – Крыша над головой да прочная дверь по нынешним временам драгоценность.

Дверь у нее и в самом деле была хороша – толстая, с тяжелым брусом-засовом.

– Давеча ночью приходили чумные, – покачала головой женщина, – трех собак сожрали, потом к тестю старосты ломились, говорит, чуть все в доме со страху не перемерли.

Алан кивнул, разом помрачнев.

– Вот и я о чем. – И сменил тему: – Пойду по деревне пройдуся, пока не стемнело. Может, еды добуду.

Я вышла на крыльцо вслед за ним.

– Мне пойти с тобой?

– Как хочешь, – пожал он плечами. – Ты умеешь что-то, за что могут расплатиться деньгами или едой? Даже если хозяйка решит нас покормить из благодарности, в том горшке, что стоит на печи, хорошо если пустая похлебка с крапивой да горстью крупы. С голодухи, конечно, и это пир...

Я растерянно покачала головой. Умела-то я много чего – например, знала, как получить гремучий порошок, которым можно разнести крепостную стену не хуже чем магией. Как сделать смесь, которая будет гореть даже под водой. Как извлечь золото и серебро из беднейшей руды, чтобы не перебирать руками тысячу стоунов породы ради одного золотника драгоценного металла. Тот же перегонный куб, о котором упоминал Алан. Но такими вещами не займешься на коленке, да и кому все это нужно в деревне? А уж про танцы, вышивание и ведение хозяйства и вовсе говорить нечего.

– Тогда, если любопытно или не хочешь скучать – пойдем вместе, – сказал Алан. – Будешь улыбаться суровым бородачам, чтобы охотнее раскошеливались.

– Иди ты, – беззлобно огрызнулась я, – сам улыбайся. Дородным бабенкам, кошельки у них обычно.

– Уж не ревнуешь ли ты?

– Совсем обалдел? – взвилась я. – Сейчас возьму дрын и покажу тебе, кто тут ревнует!

Алан заржал и рванул за калитку. Гоняться за ним я, само собой, не стала. Нет, ну каков наглец, а? Алан из-за забора ослепительно улыбнулся и зашагал по улице. Я невольно фыркнула ему вслед и тут же выкинула его из головы.

Надо бы хозяйке помочь. В бочке в сенях воды едва оставалось на дне, а бочка с дождевой, поливать огород, и вовсе опустела – судя по трещинам в земле, сушь стояла давно. Да

и плетень подправить не помешает. Мало ли, что Алан ей спину вылечил. Таскаться за ним бесполезным придатком я вовсе не собиралась.

По правде говоря, я и вовсе не собиралась за ним таскаться. Просто мне в самом деле нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя и все обдумать. А рядом с ним было спокойно-ней. Хоть кто-то живой.

Я мысленно выругалась. На самом деле, это и вовсе никуда не годится. Если уж у меня никого не осталось, надо учиться стоять на ногах самостоятельно. Только пока думать об этом было невыносимо – снова защипало глаза, а в горле встал ком. Я мотнула головой. Потом. Обо всем этом я подумаю потом.

Работа была несложной, но муторной. Наполнить обе бочки – не в ведре же мне, магу, воду таскать? – стоять и ждать, пока внутри соберется достаточно воды. Потом хозяйка с ошарашенным видом наблюдала, как над грядками сгустился туман, откуда заморосили капли. Опять же, стоять и ждать, пока выльется достаточно, чтобы напитать корни, но недостаточно, чтобы залить их.

Я отмахнулась от сбивчивых благодарностей, прошла вдоль плетня, восстанавливая опорные столбы. Обновить то, что когда-то было живым и несильно изменилось – вроде дерева, кости или кожи – довольно просто. С тканью похуже – слишком много изменений, потому Алан предпочел латать штаны, а не сращивать. С тем, что никогда не было живым, вроде камня или металла, и вовсе ничего не поделаешь. Сейчас дерево, словно на миг ожив, повинувшись моей магии, само забирало необходимое из земли – оставалось лишь следить, чтобы столбы встали ровно. А вот калитка выпрямилась не до конца, надо бы петли снять и прикрутить заново, только чем?

Я бездумно уставилась на улицу через верх калитки. У забора по ту сторону дороги нежилась в здоровенной луже свинья, неподалеку бродили куры, что-то выискивая в траве. Я уже хотела отойти от калитки, когда заметила, как от соседнего дома крадется стайка ребятишек. Тому, что впереди, лет десять, самые младшие еще в одних рубашонках чуть ниже колен, значит, не больше пяти. Старший, увидев меня ухмыльнулся и приложил палец к губам. Я приподняла бровь. Мальчишка снова ухмыльнулся и обратил все свое внимание на свинью. Пригнулся, двинулся медленно, точно кот, приглядевшийся голубя по вкусу. Девчонка со встречанной косой, шагавшая прямо за ним зажала себе рот обеими ладошками, чтобы не захихикать, а малыши повторили ее жест, приплясывая от нетерпения.

Постреленок сделал еще несколько осторожных шагов, присел, едва ли не на корточки, а потом распрямился, как сжатая пружина и сиганул на спину свинье, оседлав и схватив ее за уши. Свинью словно подкинуло над лужей под залиvistый хохот пацана. Во все стороны, вереща, брызнули поросята. Полетела грязь, когда свинья приземлилась, снова подпрыгнула, точь-в-точь норовистый рысак, завертелась вокруг своей оси. Рубашка пацана из небеленого льна покрылась рыжими кляксами. Свинья рванула с визгом, унося на спине торжествующего наездника, а за ней хохочущим эскортом понеслись остальные ребятишки.

Я, хихикнув, проводила их взглядом и обнаружила, что по ту сторону калитки стоит Алан и хохочет во все горло. Вытер рукавом проступившие от смеха слезы, обернулся ко мне. В одной руке – обезглавленная курица, в другой – холщовый мешок.

– Ощипать сможешь? – Он приподнял курицу, все еще хихикая.

– Теоретически.

Когда-то меня учили таким вещам. «Дай бог все уметь самой, но не дай бог все самой делать», – говорила няня, и мама была с ней согласна. Так что умела я не только вышивать и вести приятные беседы. В конце концов, когда королева-в-изгнании пряталась вместе с сыном в глухих лесах, за ней не таскалась свита с кухарками и горничными. Но когда ж я в последний раз держала в руках кухонный нож?

– Теоретически – это как? По формулам? – хмыкнул Алан.

Я, фыркнув, выхватила у него тушку, зашагала к дому. Погода безветренная, можно и на крыльце устроиться. Только попросить у хозяйки мешок, чтобы перо и пух собрать. Пять-шесть кур – и хватит на нормальную подушку. А ошпарить, чтобы легче перья выдергивались, можно и без ведра.

В конце концов, раз он добыл еду, мне готовить – все честно.

– Яблоко хочешь? – спросил Алан, присаживаясь рядом.

В животе заурчало.

– Хочу, – не стала жеманиться я. – Только руки грязные. Чуть позже.

– Ну, это ерунда. – Он сунулся в мешок, что принес с собой. Вытащил яблоко – зеленое, из тех, что созревают едва ли не перед самыми заморозками, а потом лежат в погребе почти до следующего урожая. Плеснул на него водой из ладони, высушил.

– Кусай, я подержу.

– А тебе?

– Я же не девушка. Перебьюсь.

– Попролам. Или сам ешь, в конец концов, это твой заработок.

– Попролам так попролам, – не стал спорить Алан. Разломил яблоко одним движением.

Протянул мне половину, повторив:

– Я подержу, откусывай.

Кисло-сладкая хрустящая мякоть показалась удивительно вкусной.

– Где добыл? – поинтересовалась я.

– На курицу староста расщедрился. Ну и так, прошелся по мелочи. Яблоко, вот, пара морковок, пара луковиц, горсть пшена. Хороший суп выйдет. Хотя ты к другому, наверное, привыкла...

– Как и ты, – пожала плечами я. – Буду отвыкать.

Что мне еще остается, в конце-то концов?

– А от чего ты вылечил старосту? – полюбопытствовала я. Курица в пересчете на деньги – от силы полдюжины медяков, но для этих людей – серьезные деньги.

– Не скажу, – отрезал Алан. Снова протянул мне половинку яблока и добавил чуть мягче: – И точно так же никому не скажу, если вдруг доведется от чего-то лечить тебя. Такие вещи касаются только лишь лекаря и больного.

И по его тону было понятно, что спорить, упрасивать или давить на самолюбие бесполезно. Впрочем, я и не собиралась. Было бы ради чего, а так – всего лишь мимолетное любопытство. Какое-то время мы молчали, только хрустело яблоко.

– Не обиделась? – спросил Алан, наконец.

– Нет. Было бы на что.

– Вот и хорошо. – Он зашвырнул огрызки в огород и поднялся. – Пойду дров хозяйке наколю. Заодно спрошу, где у нее летний очаг.

С этой стороны дома поленницы не было видно. Наверное, она на заднем дворе.

– С овощами справишься? – спросил Алан. – Я потом сготовлю.

– Справлюсь.

Нос защекотало, я мотнула головой, подула, пытаюсь согнать надоедливую пушинку. Алан рассмеялся, снял ее, вытащил еще одну, из волос. Улыбнулся.

– Справишься. У тебя неплохо получается... для первого раза.

Я с сомнением оглядела дело рук своих. Получалось жутко медленно. Ничего, научусь. Вышивать на самом деле сложнее.

Алан снова улыбнулся, потрепал меня по волосам и, подмигнув, скрылся в доме. Я вернулась к своему занятию. Снова скрипнула за спиной дверь.

– Ты бы поосторожнее с ним, девочка, – сказала хозяйка, присаживаясь рядом. Отобрала у меня курицу. – Дай-ка я помогу.

Пальцы ее ловко засновали над тушкой.

– Парень он, конечно, всем хорош – красивый, веселый, добычливый и жалеть будет...

Я открыла рот, чтобы сказать, что ничего этакого между нами нет, да и не будет, вовсе не до того мне сейчас. Посмотрела в серьезные глаза хозяйки, очерченные глубокими морщинами, и сочла за лучшее промолчать. Все равно не поверит. Парень с девкой странствуют вместе и явно не родичи – значит, любовники. Хотя какая мне разница, на самом деле? Завтра меня – нас? – уже здесь не будет.

– Да только улыбается он всем, а к сердцу ни одну не подпустит. А рассердится одна – всегда другая найдется. – Женщина вздохнула. – Муж у меня такой был. Когда посватался, все девки завидовали. А сколько слез я с ним пролила... и помер-то от собственной дурости – девку попортил, а ее отец с братьями его проучить решили... да перестарались. – Она горько усмехнулась. – Так что осторожней ты с ним, а найдешь кого лучше – беги.

Глава 5

Хозяйка сунула мне в руки чисто ошипанную тушку и поднялась.

– Вот и все.

– Спасибо за науку, – медленно проговорила я. – И за помощь спасибо.

Жаль ее было безумно. Здорово, видать, муж в сердце запал, если до сих пор вспоминает. И расспрашивать, почему так одна и осталась или что с детьми – ведь были же у нее дети? – не стоит.

А объяснять хозяйке, что Алан мне вовсе не любовник, а так, случайный знакомый, который пригрел и помог, вовсе незачем. Как и то, что я абсолютно уверена – он не потребует расплатиться собой, несмотря на все намеки. Поведусь на эти намеки – терять времени не станет, но и навязываться не будет. Просто потому, что он действительно улыбается многим, и ему наверняка улыбаются в ответ, так что получить свое он может легко. Принудить, купить – удел убогих, не таких как он... или магистр.

Тот-то, наверное, вовсе не успевает от женщин отмахиваться. Самым бескорыстным просто интересно, что такое заполучила себе в постель ее величество. Те, кто похитрее – будут искать через него свою выгоду. Знай, перебирай себе. Главное аккуратно, а то у королей все просто: чуть что – и голову с плеч.

Почему-то эта мысль неприятно кольнула. Я ругнулась про себя – нашла о чем думать. Какое мне дело до его постельных приключений? Ну да, когда-то Рик был в меня влюблен – хоть ни разу не признался. Только давно это было...

Я перестала ему писать первая – в вихре новых мест, новых знакомств, подруг, кавалеров, образ Рика как-то потускнел, истаял, а его письма казались такими... даже не скучными. Как будто из другого мира. Про семью ужей, что продолжала греться на камне. Как оценилась любимая сука его отца, и он разрешил Рику взять на воспитание щенка. Про свадьбу старшего брата – Рэндольфу было двадцать пять, и он почти не общался с нами, «мелюзгой»...

Родители писали о таких же важных лишь для семейного круга вещах, и им я тоже отвечала реже, чем могла. Если бы можно было вернуться назад и все изменить! Я прокусила губу, сморгнула слезы.

– Да не реви ты! – сказала хозяйка. – Будет у тебя еще дюжина таких. Тем более, что вам, господам, можно и попробовать со всех сторон, прежде чем жениться. – В ее голосе промелькнули то ли возмущение, то ли зависть.

– А? – Я не сразу сообразила, о чем она. – Да я не о нем. Родителей вспомнила.

– Чумные? – спросила хозяйка.

– Чумные, – кивнула я. – И война.

– Эх, девка... И все равно не реви. Эта земля и так кровью да слезами полита, нашими, да родителей, да дедов... Сама жива – и радуйся. А остальное – перемелется, мука будет.

Она неловко потрепала меня по плечу и ушла в дом.

Да, кровью эта земля полита изрядно: ни поколения без войны. И слезами тоже. Я вытерла глаза рукавом. Хватит. Сейчас, вон, морковку и лук почищу, суп сварим, потом ночь придет, а утро – оно, говорят, вечера мудренее.

Проснувшись среди ночи, я не сразу поняла, где оказалась. Жесткое ложе, темнота, только лунные блики прорываются сквозь щели в ставнях – окон в этой избе и вовсе не было. На лавке по другую сторону двери сопел Алан, из темноты доносилось всхрапывание хозяйки.

Я поерзала, пытаюсь приноровиться. Хоть и говорят, что жесткое ложе полезней для спины, чем самая лучшая перина – устроиться удобно никак не получалось. Наверное, просто устала, последние несколько – я так и не узнала, сколько дней провела в камере – дней у меня

никак не получалось нормально поспать. Так, чтобы к утру ничего не затекало, не сводило от неудобной позы.

А Мортейн, между прочим, спит в моем замке! В замке, который хранил двадцать поколений моих предков! Спит в удобной постели, и хорошо если не в родительской спальне. Не удивлюсь, если он ее и занял: чтобы доказать себе и другим, кто теперь там настоящий хозяин.

Дремота слетела разом. Я села, обхватив руками колени, ткнулась в них лбом. Мысли, которые старательно гнала весь день, вернулись роем кусачей мошки. И самая назойливая, на которую я никак не могла найти ответа – что же делать дальше?

Много ли вариантов мне оставалось? Алан сказал, что корона искала алхимиков – тех, кого потом можно было бы разослать по стране помогать ее восстанавливать. По его словам, в университете открыли факультет для таких, кто готов учиться – за счет короны, чтобы потом отработать несколько лет – и предлагал замолвить за меня словечко, дескать, там деканом один из его многочисленных приятелей, приобретенных во время войны. Кроме оплаты обучения, обещают кров и кормежку, а на остальное можно и заработать.

Может, так и стоило поступить. За место на корабле, идущем до столицы, пришлось бы заплатить почти все, что у меня было. И плыть придется две недели против недели посуху – зато никаких чумных. Допустим, до столицы я доберусь. И выучиться смогу – считай, учиться и не придется. Только что потом? Сам-то Алан не больно рвался на службу к кому бы то ни было. И я не рвалась.

Можно было прилипнуть к самому Алану, напроситься в ученицы, нахвататься достаточно, чтобы потом странствовать так же. Он ведь наверняка в свои семнадцать, когда ушел из дома, университет не закончил. Просто талантлив оказался сверх меры. А еще умел наблюдать и делать выводы. Только в себе я никаких особых талантов не чувствовала. И расплачиваться за учебу мне нечем. Да и не факт, что Алан вообще согласится меня учить.

Еще можно было уйти в монастырь. Я представила, какое лицо бы сделалось у отца, узнай он о таком – Эйдо никогда не были смиренными. Он сказал бы, что в монастырь сбегает только трусы и слабаки. А еще – что можно убежать от мира, но от собственного норова никуда не деться.

И если с первым кто-то, искусный в плетении словесных кружев, мог бы поспорить, со вторым ничего не поделать. Никуда от себя не спрячешься.

Вздыхнул и зашевелился Алан. Я бросила на него сонное заклинание, пока не проснулся окончательно. Осторожно отодвинула засов, медленно – чтобы не скрипнула – отворила дверь. Закрыв, не забыла задвинуть магией засов обратно: мало ли, чумные...

От себя не убежишь. Значит, у меня осталась лишь одна дорога: все-таки добраться до замка и попытаться расплатиться с магистром.

Если получится.

Небо было безоблачным, луна – полной, и даже не нужен был светлячок, чтобы спокойно шагать по дороге. Какой-то кабысдох, гремя цепью, облаял меня – но совершенно без рвения, точно исполняя постылый долг. А остальные и вовсе голоса не подали, видать, не сочли опасной.

Забавно, даже деревенские шавки не считают меня опасной. И магистр отпустил вместо того, чтобы казнить. Хотя, может, мне это и на руку. Красивых глупостей, например, встать у ворот замка и вызвать главу ордена на поединок, я делать не собиралась.

Сэр Грей писал: Ричард мстил за то, что мой отец раскрыл заговор, который возглавляли его родители. О том, что с ними стало, сэр Грей не упоминал. Как и о том, участвовали ли в заговоре младшие Мортейны. И о том, что делал старший брат, пока младший носился по всей стране, уходя от посланных за ним отрядов и сея смуту. Я вдруг поняла, что даже не знаю, что случилось с Рэндольфом. Жив ли? И что с его семьей? Если он женился, должны же быть и дети?

Впрочем, я почти ни о ком из старых друзей не знаю. За море вести приходили через множество рук, ушей, языков, искаженные до неузнаваемости. Слухи ходили самые невероятные. Но никого из девочек, учившихся в пансионе, родители не вернули домой, как и парней из закрытой школы, что была в соседнем квартале. Впрочем, оно и понятно, наверняка всем хотелось, чтоб хотя бы дети оставались в безопасности. Говорили, двое парней пытались бежать домой – их поймали, но не отчислили, как обычно, а заперли в карцер до самого диплома.

Я гордо улыбнулась сама себе, вспомнив, что меня-то не поймали. И сейчас не поймают. В первый раз я здорово сглупила, прождав магистра в кабинете почти двое суток и решив поискать сама. Второй раз такой ошибки не повторю.

Из кабинета отца был потайной ход за стены. По нему я пробралась и в первый раз, но изловили меня в коридоре, и, видимо, решили, что ход где-то там. Впрочем, допроси они меня всерьез, не знаю, смогла бы промолчать. Поэтому попадаться снова нельзя. Я приду тихо, сделаю все, что нужно, и уйду. А потом уж буду думать, что дальше.

Когда ветви деревьев над головой сомкнулись по обе стороны дороги, я не забеспокоилась. Где-то в отдалении завывали волки – ничего страшного, охотятся они тихо, да и дичи в этих лесах было достаточно. Заухал филин, какая-то птица, хлопая крыльями, пронеслась над головой. Обычные звуки ночного леса. В последний год перед отъездом отец начал брать меня на семейные охоты, и я успела привыкнуть к ним, сидя у костра: когда – разговаривая, а когда – молча слушая беседы других. Так что причин для страха не было.

Поначалу лунные блики еще пробивались сквозь ветви и света казалось достаточно, а потом их становилось все меньше. Только неудачно поставив ногу и едва не свалившись, я обнаружила, что шагаю на ощупь. Выругалась – слишком уж увлеклась невеселыми мыслями, вовсе перестала по сторонам глядеть. Это, конечно, моя земля, и по легенде она всегда будет хранить своих лордов. Но легенды легендами, а случалось всякое. Средний из братьев Мортейнов, вон, погиб, слетев с коня на охоте. Свернул шею, никто даже охнуть не успел.

Я остановилась, оглядываясь, почему вокруг стало так тихо? Словно лес замер не то в ожидании, не то в страхе?

Зажгла светлячок и заорала: в каких-то двух ярдах навстречу мне ковылял чумной.

Огонь словно сам слетел с рук, охватывая его. Человек бы с криком бросился прочь или начал кататься по земле, сбивая пламя, но тварь, когда-то бывшая человеком, лишь прибавила шаг. Я отскочила назад, ошарашенно глядя, как пламя, пожрав остатки одежды и волос, начинает гаснуть, а тварь идет себе.

И, что куда хуже, из-за деревьев выбрались еще трое чумных. Двое – по бокам, третий возник за спиной. И все разом бросились на меня – быстро, наверное, даже быстрее, чем живые. Так быстро, что я прежде разума, нутром поняла – не убежать.

Отшвырнула магией с дороги шагающую головешку, рванулась вперед, рвя жилы, выгладывая хоть чуть-чуть времени. Развернулась, вытирая вспотевшие ладони о штаны – глупая трата времени, магии ведь все равно, сухие ли у меня руки. Главное, все сделать правильно. Мысль, жест, слово. Воздушные клинки располосовали того, кто оказался ближе всех.

Кровь у твари оказалась черной, не красной, но меня все равно замутило. Впрочем, поддаваться слабости не было времени. Как и бояться – сердце колотилось так, что казалось, вот-вот проломит ребра и выскочит наружу. Я снесла магией голову второму, стараясь не глядеть на тело.

Снова отскочила, полоснула ножом по бедру третьего – неудачно, рана, от которой человек как минимум остановился бы, чумного не побеспокоила вовсе. Не растерявшись, я лягнула его со всей дури в колено – сустав подломился, заставив чудище упасть. Вот так-то.

Еще одну голову долой. Я застыла, тяжело дыша. Все? Так просто?

И в этот миг мою лодыжку обхватило что-то жесткое, точно ветки. Рывком сбило с ног, и икру обожгло болью.

Я дернулась, лягнула – тщетно, держало крепко. Подхватила нож – чудом не выронила – и со всей дури всадила под затылок вцепившейся в ногу твари. Еще, и еще раз, и еще, бессчетное количество раз, пока чумной не перестал шевелиться. Свободной ногой попыталась оттолкнуть труп – не вышло, он и сейчас не хотел разгибать одеревеневшие пальцы, пришлось сделать это самой, дрожа от отвращения.

Я отползла в сторону – ноги до сих пор тряслись и не держали, сердце колотилось даже не в горле, а где-то в ушах. Дернула вверх штанину, на которой расплывалось кровавое пятно, глянула на рану и заскулила, свернувшись клубком.

Вот и все. Вот и не нужно думать ни про какое «дальше». Потому что мне осталось от силы два дня. А потом это буду уже не я. Если, наплевав на грех перед всевышним, не убью себя сама прежде, чем угаснет разум.

Я затянула рану магией – от чумы не спасет, но пока зараза не разойдется по всему телу, я смогу нормально идти. Теперь нужно добраться до замка – и до магистра Хранителей – во что бы то ни стало. А значит, оплакивать свою судьбу некогда.

Да и не о чем плакать, на самом деле. Бесконечной жизни в этом мире не достанется никому, а в масштабах вечности все мы – лишь песчинки на бесконечном морском берегу. А потом – жизнь горняя и те, кого я никогда уже не увижу здесь.

Только меня все равно трясло, а в желудке словно залегла здоровая колючая ледышка. Страх путал мысли, перехватывал дыхание. Выругавшись, я прибавила шагу, потом перешла на трусцу, пока ледяной ком, наконец, не растаял, позволив вдохнуть полной грудью, а в голове не осталось ни одной мысли, кроме дум о том, что нужно переставлять ноги и дышать. Так что четыре лиги до замка я одолела куда быстрее, чем намеревалась. Правда, подошла не к воротам, а нырнула в лес. Нашла там сгоревший охотничий домик, отец любил здесь бывать и часто брал с собой нас, детей. Магией определила север, через пару сотен ярдов спустилась на дно оврага, цепляясь за кусты и деревья, и нырнула под покосившуюся лиственницу, которая, кажется, была старше, чем все двадцать поколений моего рода. Там, между ее корней, начинался ход – сперва нора, в которой взрослый мужчина мог бы передвигаться только на четвереньках, потом стены расходились, поднимался потолок, и можно было идти пешком.

Я выпрямилась – закружилась голова и повело в сторону. Пришлось опереться о стену – камень был сухим и теплым, словно признал меня. Я погладила его кончиками пальцев, мысленно благодаря неведомого строителя. Уже и памяти о нем не осталось, а замок стоит, и простоит еще века.

Прокушенная лодыжка болела и чесалась, точно после крапивного ожога, и голова казалась мутной, как с недосыпа. Впрочем, может, так оно и было, много ли удалось поспать этой ночью? Я горько усмехнулась – ничего, скоро выплусь. Только бы магистра снова никуда не понесло...

Винтовая лестница в толще стены. В прошлый раз я взлетела по ней, слегка запыхавшись, в этот – выползла на последнюю ступеньку, дыша, точно загнанная собака. Неужели за какие-то паршивые два-три дня в камере я совершенно обессилела? Ведь ела и пила после того вдосталь... Кстати, о – я присосалась к фляге, потом тряхнула ее, добывая последние капли. Сама не заметила, как все выпила, до того во рту сохло. Завинчивая пробку, я бросила взгляд на свои руки и едва не выронила флягу. Сунула ее в мешок, как есть, если пробка и потеряется, уже неважно. И долго разглядывала вздувшиеся черные вены на своей трясущейся кисти.

Так быстро? Почему же так быстро?

Я в который раз до крови прокусила губу, подумала – зря, останется шрам, и едва не расхохоталась. Уже все равно, на самом-то деле. Но пока я – еще я, нужно закончить начатое. Только бы магистра никуда не унесло...

Я взялась за шляпку толстого железного гвоздя, торчащего из стены, погасила светлячок. Потянула гвоздь на себя, пока он не оказался в моей руке полностью, из отверстия просочился

свет. Мысленно ругнулась – вот, не зря решила сперва посмотреть. Не спится кому-то, торчит в кабинете под утро. Откуда-то пришла совершенно ненужная сейчас мысль, что ход, похоже, предназначался не только для того, чтобы позволить хозяину уйти, если замок все же падет – но и для того, чтобы неожиданно нагрянуть если не с армией, то с небольшим отрядом. Иначе зачем бы оставлять смотровое отверстие?

За столом, спиной ко мне, сидел широкоплечий мужчина. Давно нестриженные волосы крупными кольцами закрывали шею. Сам магистр! До чего же не повезло – если он задержался над делами до утра, то вернется в кабинет к обеду, а то и к вечеру. Если чума будет развиваться так же быстро, я его не дождусь. А с чумной тварью он легко разделается – собственно, орден хранителей для того и существует.

Рискнуть прямо сейчас? В прошлый раз потайная дверь открылась совершенно бесшумно – отец много раз повторял, что такого рода вещи нужно регулярно проверять и держать в полной исправности, даром что кажется, будто в ближайшее десятилетие они не пригодятся. В том вся и суть, что гадости случаются большей частью непредвиденно.

Отец всегда был предусмотрительным, как же так вышло, что вся его предусмотрительность не помогла остаться в живых?

Я слизнула с губы кровь, поморщилась – к знакомому металлическому вкусу прибавилась горечь. Нет, ждать нельзя. Тем более, что спина магистра напряглась, а сам он, словно прислушиваясь, чуть обернул голову к стене, где стояла я.

Я шагнула в тень, словно он мог увидеть меня сквозь стену. Заклинание скрывало неидеально – при дневном свете действительно оставалось пятно тени, очень заметное. В помещении, где горели факелы или свечи, укрыться в тенях было проще. Но лучше всего подобная магия работала там, где был зажжен светлячок – два заклинания хитро сплетались, превращая того, кто скрывался в тенях, в настоящего невидимку.

Магистр снова отвернулся, склонился над столом. Сейчас!

Я рванула рычаг – стеллаж с документами и памятными безделушками отъехал в сторону. Ричард, точно того и ждал, вылетел из-за стола, разворачиваясь в мою сторону. Я метнулась к нему, выхватывая нож – боевое заклинание он почует прежде, чем я успею его закончить. Магистр отступил, подхватил дубовый стул, будто тот не весил почти ничего, и швырнул в меня. Я едва успела распластаться на полу – амортизировать до конца не вышло, удар сбил дыхание – перекатилась в сторону. Подняла взгляд. Ричард снова отступил – так, чтобы не оказаться между мной и проходом. Глянул прямо в глаза, на миг мне показалось, что тень слетела, я даже проверила заклинание, оно было на месте – и вдруг шарахнул пламенем во все еще разверстый проход.

– Я чую чумных тварей, – сказал магистр, глядя туда. – Так что сними заклинание с марионетки и покажись сам.

Я стиснула кулаки, едва не разрыдавшись от отчаяния. До чего же все неудачно складывается! Словно сам нечистый бережет Ричарда Мортейна ради каких-то неведомых темных дел. Если он чует меня...

Додумать не успела – магистр уже плел заклинание. Я сбита его, и, пока магистр на миг замер, стиснув зубы, рванулась к нему, целя в горло. И задохнулась, налетев на невесть откуда возникший в его руке нож. До самой крестовины. Так, что, кажется, даже его пальцы, державшие оружие, на миг вдавились в тело.

Тень слетела разом, как всегда при соприкосновении с живым.

– Ты?! – выдохнул Ричард, выдергивая клинок.

Глава 6

Несколько бесконечных мгновений боли не было – только ошеломленное оцепенение. Я отняла руки от живота, перевела на них взгляд. Кровь. Черная. Не красная.

Выдохнула:

– Добей.

Успела подумать – хоть в чем-то повезло, не придется самой грех на душу брать. А потом разум догнала боль и стало вовсе не до чего. Я бы заорала, но для этого надо было вздохнуть, а при попытке вдохнуть внутренности рвала боль, и все, что мне оставалось – скорчиться на полу, вцепившись в живот и подтянув к нему колени.

Ричард жестко ухватил за плечо, разворачивая меня на спину, заставил разогнуться, а когда рану накрыли его ладони и низкий голос начал выводить чеканные слоги целительных заклинаний, я все-таки закричала.

Почему магия – это всегда боль? От неудачно созданного или разрушенного кем-то другим заклинания и даже когда тебя лечат, внутренности будто раздирает неведомая сила? Словно магия – что-то настолько чуждое телу, что оно категорически не приемлет чужеродное вмешательство и мстит самым доступным ему способом.

– Зачем? – всхлипнула я, когда пелена боли рассеялась. – Ведь все равно...

Его руки снова жестко вцепились мне в плечи, удержав на полу.

– Жить хочешь?

Он издевается?

Надо было бы гордо отвернуться и промолчать, но вместо этого я заглянула в его глаза. Не было в ледяном синем взгляде ни торжества, ни насмешки. Тревога? Сочувствие?

Или я, перепугавшись неминуемого, выдумываю себе невесть что, лишь бы получить хоть проблеск надежды?

– Да.

Можно сколько угодно уговаривать себя, что рано или поздно все там будем, что у престола Творца ждет моя семья, что нужно сохранять достоинство, что все в руках Его. Но сколько угодно ни тверди эти и еще множество, безусловно, мудрых фраз, если быть с собой честной – сейчас у меня перехватывало дыхание, а перед глазами плыли черные пятна уже не от боли, а от запредельного ужаса. Еще немного – и я просто завизжу, не помня себя, начну умолять, обещать что угодно, лишь бы жить. Жить!

– Если переживешь посвящение Хранителей – будешь жить, – сказал магистр.

Нельзя верить. Нельзя надеяться. Если бы все было так просто, никто не убивал бы себя, поняв, что подцепил проклятье. Все зараженные шли бы к Хранителям...

Или и правда магистр не лжет? Кому как не Хранителям знать средство, ведь они сражаются с чумными много веков...

– Два условия, – продолжал он.

Ну конечно. Как же без подвоха? И все же я сейчас готова согласиться на что угодно. Даже душу нечистому продать, только бы жить. Хотя зачем ему моя душа, было бы за что платить... Боже, что за дурь в голову лезет!

– Первое – ты обещаешь, что не будешь больше пытаться меня убить. Второе – примешь присягу Хранителей и останешься в ордене.

– Держи друзей близко, а врагов еще ближе? – Надо же, я могу говорить человеческим голосом, а не верещать от страха.

Магистр улыбнулся краем рта.

– Можно и так сказать.

Нет смысла спрашивать, что будет, если я откажусь. Повезет – он убьет меня до того, как разум угаснет и в моем теле окажется чумная тварь. Богословы до сих пор спорят, что творится с душами тех, кто когда-то был человеком – обречены ли они до вторичной гибели тела скитаться по земле или отправляются к Творцу сразу, едва чума поглотит разум. И проверять на себе, как обстоят дела на самом деле, не хотелось. Не повезет – магистр умертвит уже тварь, только мне к тому моменту уже будет все равно.

Но если я соглашусь, мне придется остаться в ордене. Рядом с тем, кому я должна отомстить – и от мести кому мне придется отказаться, если я хочу жить. Не просто рядом. Подчиняться приказам, какими бы они ни были. Сражаться вместе. Прикрывать ему спину.

Магистр не торопил меня с ответом. Только смотрел в глаза. Молча, и, как мне показалось, напряженно.

– Тебе-то это зачем? – не удержалась я от вопроса.

Он снова приподнял угол рта.

– Неплохие бойцы с сильным характером на дороге не валяются, знаешь ли.

Ага, они на полу валяются, как я сейчас. Он со мной справился меньше чем за минуту, несмотря на то, что я была в тени. Придумал бы что-нибудь более убедительное...

– В чем подвох? – не унималась я.

Я хочу жить. Я очень хочу жить. Но есть множество способов сделать чью-то жизнь невыносимой. Особенно, если этот «кто-то» связан клятвой.

Ричард вздохнул.

– Ты не была такой подозрительной шесть лет назад.

– Ты, вообще-то, тоже на себя самого не похож.

Нет. Если бы он хотел поиздеваться надо мной вдоволь – сделал бы это, еще когда я была в кандалах. Точно прочитав мои мысли, магистр сказал:

– Обещаю, что не потребую от тебя ничего сверх того, что требую от других Хранителей и... – он помедлил, подбирая слова, – не намерен как-то выделять тебя среди остальных. Для тех, кто пришел в орден и пережил посвящение, прошлое остается в прошлом. Так было и так будет всегда.

Зачем ему я? Зачем???

Но меня по-прежнему колотил страх, почти невозможно было дышать, и сердце отбивало бешеный галоп. Мысли путались, сосредоточиться никак не получалось. Я попыталась сесть, но едва поднялась на локте, как голова закружилась, потемнело в глазах, и я снова распласталась на полу. Да что ж так худо-то?! Магистр встревоженно свел брови. Некогда, похоже, больше выбирать. Будь что будет.

– Обещаю что не буду больше пытаться тебя убить, – выдохнула я.

Вот и все. Назад дороги нет. Только еще ничего не кончено. «Если переживешь посвящение», – всплыли в памяти слова магистра. Если.

Если.

Он кивнул, поднялся с колен. Вышел за дверь, не позабыв прикрыть ее за собой. Я так и лежала на полу: голова кружилась, в глазах темнело, дышать становилось все тяжелее. Это уже не страх. Это чума. И, похоже, времени действительно мало.

– Через четверть часа все подготовят, – сказал магистр, вернувшись. – Надеюсь, успеем.

Он присел рядом, отвел прядь с моего лица, во что-то пристально вглядываясь. Кажется, вены вздулись и почернели не только на руках. Хорошо, что я не могу видеть себя в зеркале, пришла откуда-то нелепая мысль. А следом еще более нелепая: жаль, что он видит меня такой... Ричард ругнулся себе под нос.

– Давно тебя укусили?

– Часа три назад.

– Совсем недавно? А что ты делала после того?

– Бежала сюда.

– Сколько?

– От Клейдона.

Он усмехнулся.

– Так торопилась меня прикончить? Сама, считай, и разогнала проклятье по телу.

– Ну, извини, – в тон ему ответила я. – Надо было ползти. Тогда бы сюда как раз чумная тварь и добралась.

Я вытянула руку, разглядывая черную сеть вен. Жуткое зрелище. Завораживающее.

– Если я уже не чумная тварь.

– Пока ты себя помнишь – ты человек.

– А это... так и останется?

– Нет. Будет как было. – Он помедлил с полмига, точно колеблясь. – Позвать священника?

Вряд ли у тебя накопилось столько грехов, чтобы не успеть исповедаться до ритуала.

Я снова встретила с ним взглядом. Нет, не издевается.

– Как часто умирают на посвящении?

– Четверо из пяти.

Я сглотнула, ребра снова перехватило ледяным обручем. Хотя что мне терять? Если сейчас пойти на попятную, я все равно умру. Так хоть какой-то шанс...

– Мне не в чем исповедаться.

Он улыбнулся одним углом рта.

– Завидую.

Я пожала плечами. Любое решение имеет последствия. Ты сам выбрал такую жизнь. Но если уж зашла речь... одну вещь мне может рассказать только Ричард. И нужно спросить это сейчас – на случай, если я не переживу этот их ритуал.

– Как умер мой отец?

Магистр не отвел взгляда.

– В поединке.

– Ты дал ему поединок?

Он очень странно усмехнулся.

– А ты что решила? Что я пришел резать спящих, как... – магистр осекся. – Поединок.

Пока мои друзья сдерживали его людей.

Вроде не врет. Да и зачем бы ему?

– Спасибо.

– Да было бы за что.

Он поднялся, подошел к все еще открытому проходу.

– Куда он ведет?

– Я еще не присягнула в верности ордену.

А если после всех обетов он потребует от меня раскрыть все тайны замка Эйдо? Всех-то я не знаю, наверняка многое ушло на тот свет вместе с родителями. Но и того, что знаю, вполне достаточно. Например, что тайный ход в замке далеко не один... А из подвала потайная дверь ведет в настоящие катакомбы, во время войны с Ландернау отец полгода укрывал там партизанский отряд, пока в самом замке оккупанты чувствовали себя как дома.

Дед сдал им замок, сохранив земли и титул, а значит – деньги и людей. Чтобы тем временем его сын со своим отрядом язвил врагов, как мог: перехватывал обозы снабжения и мытарей, везущих в столицу собранные налоги, уничтожал патрули. А потом, когда поднялось восстание, ударил в спину.

Дед Ричарда склониться отказался и лишился всего. Земли и титул соседей отдали моему деду – но когда поднялось восстание, он вернул их законным владельцам. Точнее, королевско-визгнанию, которая передала их законным владельцам.

– Тогда хотя бы скажи, как его закрыть. – Голос магистра вырвал меня из воспоминаний о семейной истории. – Мало ли, прислуга решит прибраться в кабинете, пока я занят.

Я снова попыталась встать, чтобы сделать все самой, и опять ничего не вышло. Подавила искушение сказать про рычаг по ту сторону стены. Магистр же не настолько глуп, чтобы запереть себя сам. Да даже если и запрет – выйдет, ловушек в коридоре нет. Выберется и вернется, только разъярившись. Не стоило оно того.

– Слева, второй камень снизу, третий от прохода.

Проем закрылся. Ричард оглядел вернувшиеся на место полки.

– Хорошо сделано. Сам бы не заметил.

– У тебя дома наверняка не хуже.

– Теперь это дом Рэндольфа, – ровным голосом произнес он.

Интересно, что такое произошло между братьями?

– Вы поссорились?

– Нет, – так же ровно произнес магистр, давая понять, что продолжать эту тему не намерен. Какое-то время мы молчали, думая каждый о своем. Впрочем, то, что творилось у меня в голове, сложно было назвать словом «думать», я металась от надежды к отчаянию, от самых черных предчувствий к мечтам о будущем – ведь уходят же Хранители в отставку, в конце-то концов, – и снова проваливалась в страх перед неизвестностью. Надо было согласиться на священника, сейчас бы исповедовалась и слушала утешения вместо того, чтобы крутить в голове одно и то же.

В дверь постучали.

– Все готово, магистр.

– Хорошо. Мы сейчас.

Ричард присел надо мной – я приподнялась на локте, ожидая, что он поможет мне встать, и можно было бы идти, повиснув на нем, как бы ни унижительно мне признавать свою слабость. Но Ричард просто подхватил меня на руки.

От удивления я почти пришла в себя, даже голова кружиться перестала.

– Пусти! – дернулась я. – Сама...

– Сама ты и двух шагов не пройдешь, – заметил он, крепче прижимая меня к себе. – А будешь брыкаться, перекину через плечо и потащу попой кверху. Хочешь, чтобы все, кто встретится по дороге, на нее пилились?

«Попой», не «задницей» или чего покрепче. Прямо как в старые времена, когда его до крайности шокировало, если у меня срывалось крепкое словцо. Я же девушка. Предполагалось, что я подобных слов и знать не знаю. Впрочем, от его матери я их не слышала, хотя она, бывший капитан пиратского корабля, наверняка знала предостаточно ругательств.

– Попробуй только! – огрызнулась я. Дергаться, правда, перестала. С него в самом деле станет протащить меня на плече, точно законную добычу...

– И пробовать не буду. Просто сделаю.

– Пусти! А то я...

– А то – что?

Этот нахал еще надо мной смеется! А в самом деле, что я сейчас могу? Я потянулась к магии и поняла, что даже простенький светлячок сейчас не зажгу. Сил нет. Но и сдаваться я не собиралась.

– Укушу!

– Кусай, – пожал он плечами. – Хранители нечувствительны к чуме.

Я ойкнула.

– Извини, – прошептала я. – Я забыла про проклятье. Я вовсе не собиралась нарушать обещание, едва успев его дать.

Заглянула ему в лицо и тут же об этом пожалела – слишком близко оно было, слишком близко был он весь, большой, сильный и совершенно незнакомый мужчина, в котором ничего не осталось от прежнего Рика. Но прятать глаза уже не годилось, даром что не отвести взгляд требовало огромных усилий.

Ричард улыбнулся, и я на миг решила, что мне примерещилась эта улыбка – столько в ней было тепла.

– Ничего.

– А потом, после посвящения, я смогу?..

Я осеклась, залившись краской. Боже, что за дурь в голову лезет? Если укус чумного разносит проклятье, значит, и поцелуй тоже? Смогу ли я целоваться после посвящения? И не только целоваться? Не то чтобы у меня кто-то был на примете прямо сейчас, но если я буду жить, появится ведь...

– Сможешь что? Кусаться?

Господи, только бы он не понял, что я на самом деле имела в виду! Одной ногой на том свете, а туда же, про поцелуйчики! И нашла ведь у кого спросить!

Я ткнулась носом ему в грудь, только бы не видеть его ехидной ухмылки – наверняка ведь все понял. Только бы он не догадался, что я под землю готова провалиться от стыда. Щеки, уши и даже шея прямо-таки пылали. Позорище-то какое!

Зря я спрятала лицо в его рубашку. Дар Ричарда пах полынью, черной смородиной и можжевельником, а сквозь горьковато-свежий аромат пробивался запах мужского тела, и все это заставило сердце вдруг замереть, а потом снова бешено заколотиться, и в этот раз вовсе не от страха.

Мы же даже не целовались ни разу...

Нелепая мысль заставила меня расхохотаться. О чем я вообще? И о ком? Этот человек разрушил мою жизнь, а я сожалею о том, что между нами ничего по-настоящему не было? Да и хорошо, что не было!

– Роза? – встревоженно спросил Ричард

Я затрясла головой.

– Ничего. Просто слишком... Все это слишком...

Он прижал меня крепче. Произнес еле слышно:

– Я бы хотел пообещать, что все будет хорошо.

– Не надо, – мне кое-как удалось справиться с голосом. – Не ври мне.

– Никогда не врал. И сейчас не буду.

Само посвящение я почти не запомнила. В глазах темнело – то ли от страха, то ли от проклятья. Я даже не разглядела, в какую именно комнату он меня притащил и был ли там кто-то, кроме него.

Ричард опустил меня в центр вычерченного на полу круга с кучей незнакомых символов. В другое время я не рискнула бы войти внутрь чего-то подобного, не изучив прежде все схемы и не проверив, что за магия сплетена вокруг, но сейчас едва заметила их. Внутри круга надо было стоять, но стоять я не могла, кое-как сумела усидеть, скрестив ноги и опираясь руками перед собой.

Безропотно повторила за Ричардом обет Хранителей – ничего в нем не оказалось такого, чему бы хотелось воспротивиться. Не обращать данную мне орденом силу – о чем это? – во зло. Сражаться с чумными, куда бы ни занесла меня судьба. Заботиться о братьях и сестрах по ордену и – вот здесь я повторила не сразу – защищать их. Глянула на магистра, заметил ли он заминку, но на лице его ничего не отразилось. Или я не смогла этого увидеть за серой пеленой, заполнившей взор?

Потом Ричард провел ладонью над кубком, стоявшим на особой подставке. И опять же, у меня не хватило ни времени, ни сил разобрать заклинание.

– Выпей, – сказал он, опускаясь передо мной. Едва заметно улыбнулся. – Гадость редкостная, но придется проглотить.

Я взяла у него кубок – руки тряслись, и содержимое едва не расплескалось. В горле стоял ком, и я вовсе не была уверена, что смогу сделать хоть глоток. Но пути назад не было. Если повезет, я останусь жива.

Ричард накрыл мои руки своими, помогая удержать кубок. Я заглянула ему в глаза – синие, ледяные, точно лесной ключ. Их видел мой отец перед смертью. Если мне не повезет, то взгляд Ричарда будет последним, что я увижу в этой жизни.

Я поднесла кубок к губам.

Гадость внутри действительно оказалась редкостной.

И это была моя последняя мысль.

Не знаю, сколько длился то ли сон, то ли бред. Как в самых страшных кошмарах в нем не было ничего конкретного – только из темноты надвигалось что-то огромное, необъятное, накачивалось неотвратимо, но все, что я могла – стоять, пытаюсь разглядеть в темноте то неумолимое, неотвратимое, точно если я вдруг увижу его очертания, оно рассыпется, исчезнет. Но ничего нельзя было разглядеть в крошечной тьме, только, задыхаясь от ужаса, ждать, пока меня сомнет, раздавит, точно муравья, неосторожно вылезшего на городскую брусчатку.

– Мама! – прорвался сквозь темноту чей-то крик. – Я не пойду один! Не пойду!

Я распахнула глаза. В яре от меня обнаружилось лицо: мертвенно-бледное, с яблочками румянца и пустыми голубыми глазами. Я шарахнулась от этого лица с криком, проснувшись окончательно.

Кукла. Кукла с фарфоровой головой и кистями. В тряпичное тело был вделан какой-то хитрый каркас, чтобы кукла могла сама сидеть. Папа привез ее из Бенрида, куда он ездил по каким-то своим делам. Няня ворчала: где это видано – ребенку давать такую дорогущую игрушку, за нее деревню купить можно. А ну как разобьет? Пусть сидит, вон, на шкафу, красуется.

Я подняла рев, отец засмеялся, снял куклу с верхотуры и вручил мне. Я не расставалась с Леди Изольдой – к слову, так звали королеву-в-изгнании – наверное, год. Потом таскать ее с собой везде перестала, но засыпала с ней вплоть до самого отъезда из дома. А сейчас она сидела, прислонившись к стене у изголовья кровати, и улыбалась мне нарисованной улыбкой.

Я притянула ее к себе, обняв, как когда-то, и обнаружила, что леди Изольда стала куда меньше, чем была в памяти. Да и кровать... я по-прежнему на ней помещалась, но раньше она была намного шире.

За спиной зашуршало, зашевелилось. Я села, разворачиваясь. И обнаружила за письменным столом Ричарда.

Он тряхнул головой, потер лицо ладонями, точно стирая сон. На щеке отпечатались полосы, кажется, от рукава рубахи – вон, как примялся. Магистр уснул прямо сидя за столом.

В моей комнате.

В моей – бывшей? – комнате.

Я огляделась. Будто ничего и не изменилось с тех пор. Словно и не уезжала. Хотя нет, на моем письменном столе всегда был кавардак, а сейчас чистота и порядок. Чернильница, несколько перьев, стопка бумаги и почти ничего лишнего. Только на краю стола сиротливо сидит плюшевый заяц, подарок Рика. Нет и ящика с игрушками – незадолго до отъезда я сама велела убрать его в кладовую. Я тогда считала себя совсем взрослой.

За окном было темно, не поймешь, то ли еще утро, то ли уже вечер. Сколько же я проспала?

– Зачем ты здесь? – спросила я, все еще прижимая леди Изольду, как будто она могла отгородить меня от всего мира.

А чего бы ему не быть здесь? Он теперь мой командир, может хоть среди ночи вломиться. В груди заныло, я зажмурилась, мотнув головой. Сожаление затопило волной, мешая дышать. Зачем только я согласилась!

– После посвящения... – начал Ричард, и я узнала голос, который звал маму. Нехорошо, значит, ему спится. Странно, но позлорадствовать не получилось. – ...люди обычно растеряны.

Я кивнула. Отголоски ночного кошмара всплыли в сознании, заставив поежиться. Чего я так перепугалась, собственно? Ну, темнота. Я же никогда не боялась темноты... Или теперь боюсь? Нет, не темноты. Я боюсь того, что приснится.

– Кошмары продлятся примерно неделю, – сказал Ричард, точно угадав мои мысли. – Пока изменяются разум и тело.

Он чуть сдвинул на столе четыре флакона, наполненные чем-то темным.

– Если будет совсем невыносимо – выпьешь один. Только постарайся не каждую ночь, потому что больше пока не дам. С ног валит мгновенно, никаких кошмаров не будет, но Алан говорит, что к этой смеси быстро привыкают, а привыкнув, без нее не могут. Так что...

– Алан? – перебила я. Нет, не может быть. А с другой стороны... – Алан Мид?

Магистр кивнул.

– Он хранитель? Ты послал его шпионить за мной?!

Я его убью. Убью их обоих, и плевать на обет! Братья по ордену, чтоб их!

– Не шпионить. Присмотреть, чтобы с тобой ничего не случилось. И если бы он сделал то, о чем я его просил, мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

– А о чем ты его просил? Прирезать меня во сне?

– Присмотреть, чтобы с тобой ничего не случилось, – терпеливо повторил Ричард.

– Или, может, чтобы он меня отодрал так, чтобы я обо всем другом и думать забыла? – не унималась я, вспомнив ладонь на своей талии и объятья чуть крепче, чем должны быть дружеские.

– Что? – взвился Ричард. – Если он к тебе приставал, я ему яй... руки оторву!

– Не приставал, – призналась я, почему-то смутившись. – Просто... пытался ухаживать.

– А, не бери в голову, – отмахнулся он. – Алан ухлестывает за всеми дамами в возрасте от семнадцати до семидесяти одного.

– Я заметила, – хмыкнула я.

Добреньким, значит, прикидывался. Смотреть ему, видите ли, больно. В попутчики напрашивался, все равно ему, дескать, куда идти. Да так упорно напрашивался... Приказ выполнял, кобель белобрысый, заодно решив совместить приятное с полезным! Ну, попадетсЯ он мне!

– Это у них семейное. Видела бы ты его отца, до сих пор дамы готовы друг другу волосы выдергивать. Алан – отличный парень на самом деле. – Ричард хмыкнул. – А теперь, когда мы перемыли ему кости, вернемся к... – Он посерьезнел. – Как я уже сказал, разум и тело будут меняться.

– В смысле? Я больше не человек?

Глава 7

– Я бы сказал – усовершенствованный человек, – ответил магистр. – Быстрее реакция. Лучше выносливость. Больше магический резерв. Да и сами заклинания будут складываться быстрее. Где-то месяца через два забудешь, что такое простуда, любые болезни вообще.

Слишком уж заманчиво все это звучало. В чем подвох?

– А какова цена? Все имеет свою цену.

– Волчий аппетит, – магистр усмехнулся. – Первую неделю после посвящения я готов был съесть все, что не успеет убежать. Как на грех, с едой тогда было негусто: там, где прошла орда, не остается ничего живого.

По его лицу промелькнула тень.

– Еще что-то? – спросила я.

– Кошмары возвращаются, когда рядом орда... или достаточно много чумных.

– Насколько рядом?

Ричард пожал плечами.

– Трудно сказать, никто же не проверит с точностью до полуярда. Но когда мы бродили по гномьим путям, – он поморщился, – к концу недели еле ноги переставляли, и вовсе не от голода.

Никто не знает, откуда взялись чумные, кто наложил это проклятье и зачем. Зато все знают, что первыми от него пострадали гномы. Какое-то время проклятье пытались сдержать, а потом просто заложили все выходы из их твердынь и поставили караулить войска. Конечно, гномов это не остановило, они готовы были бросить и дома, и шахты, навсегда перебраться на поверхность, лишь бы уйти от чумы. А людям не хотелось, чтобы они принесли проклятье с собой. Сейчас от гномов остались лишь легенды да запутанная сеть подземных путей, по которым, если верить слухам, бродили только чумные.

Только людей это не спасло. Потому что раз-два за век на поверхность все же выбиралась орда. И в последний раз это случилось два года назад.

– А еще что изменится? – спросила я.

– Через какое-то время начнешь чувствовать приближение чумных. И других хранителей. Пока ты в ставке ордена, ты никогда по-настоящему не останешься одна. Все время будешь знать, что неподалеку кто-то живой, кто-то из своих. С другой стороны, невозможность полного уединения порой утомляет.

Я обдумала его слова.

– Получается, в крови хранителей тоже есть это проклятие?

– Да. Потому нам не страшны ни укусы, ни кровь чумных.

– Значит, для обычных людей мы опасны?

– Можешь кусать кого хочешь. – Ричард улыбнулся, а я залилась краской, кажется, по самый живот – во всяком случае, даже ключицы горели. – Не опасны. Если ты пережила посвящение, значит, тело справилось с проклятьем.

Он снова стал серьезным.

– Собственно, все. Что касается жизни ордена... Распорядка особого нет, разве что кормят по часам: услышишь гонг. Столовая, для нас и гарнизона, там, где ели слуги. Утром зайдешь к кастеляну, пусть позовет портного. Тебе понадобится смена одежды, белья...

– У меня есть.

– ...разные мелочи, – он словно меня не услышал. – Потом – в оружейную, скажешь, я велел подобрать доспех. Хотя скорее всего, у него не найдется ничего по тебе, возьмешь, что получше, и отнесешь к кузнецу подогнать.

– Кандалы у вас по мне нашлись, – не удержалась я.

– Не «у нас», а в замке. Мне, знаешь ли, было не до инспекции казематов и обновления ассортимента кандалов.

– Если «в замке», тогда должен найтись и доспех. У мамы была кольчуга. Или уже прикарманили?

Ричард посмотрел мне в глаза.

– Не поручусь, что она на месте. Гарнизон и кастильян с королевским указом прибыли в замок через день после смерти леди. Беркли – человек честный, но ему не под силу уследить за всем сразу же с первого дня. Могли и украсть.

Я крепче прижала леди Изольду.

– Кто хоронил маму?

– Беркли распоряжался. Я добрался сюда через две недели после него, были дела в столице.

Ну да, с ненаглядной, поди, расстаться не мог. Интересно, хороша ли? Молодую королеву я не видела ни разу. Ее отца – совсем девчонкой, тогда он мне казался воплощением рыцарства, словно сошедшим с фрески. Высокий, золотоволосый, гордая посадка головы и чуть отстраненная улыбка, словно мыслями он не здесь, а где-то в горних далях. Да, буду думать о короле. Его тоже нет среди живых, но при воспоминании о нем горло не перехватывает спазм.

– Беркли заверил меня, что все было сделано, как подобает, – продолжал Ричард. – Леди Клэр покоится в фамильном склепе, вместе с мужем. Люди твоего отца после его гибели привезли тело домой. Мои соболезнования.

Соболезнуешь ты, как же. Я прокусила губу. Не плакать. Я не буду плакать при нем.

– А Эдвард и Мартин?

– В братской могиле у стен столицы.

Глупо было надеяться. Глупо. И все же...

– Ты видел тела?

– Видел. Сам и опознал.

– Может, сам и помог упокоиться? – голос сорвался.

– Нет. Я даже не встречал их в тот день. – Ричард по-прежнему не отводил взгляда. – Тогда погибло много хороших людей.

И очень удачно для тебя. Некому стало мстить. И наши земли упали тебе в руки переспелым яблоком.

– Я тебе не верю.

– Клянусь посмертием моих родителей, я не имею отношения к гибели твоих братьев.

Выходит, и он теперь сирота... Хотя если отец открыл измену, вряд ли с предателями стали церемониться. Ричарда ведь тоже едва не казнили... Странно, что весть о казни старших Мортеев не дошла до Бенрида. Предатели не заслуживают жалости, но мне все рано было жаль их.

– Значит, и твои тоже... Сочувствую.

– Я не хочу об этом говорить, – холодно отрезал Ричард.

И правда, далось ему мое сочувствие.

– Извини, – так же сухо ответила я. – Как прикажешь.

На его лице заиграли желваки, но голос остался спокойным.

– Возвращаясь к повседневным заботам. По поводу кольчуги – спросишь у оружейника. Может, она и на месте. Пока ты не в патруле или нас не сдернули куда-нибудь, где видели чумных, занимайся чем хочешь. Можно выходить из замка, только скажи кому-нибудь из хранителей, куда и как надолго. Хотя должен предупредить, что побездельничать удастся нечасто. Нас слишком мало.

– Я не собираюсь бездельничать.

В самом деле не собираюсь. «Нечистый знает, чем занять праздную голову», – любил говаривать Николас. Я свихнусь, если начну размышлять обо всем, что случилось. Зато я точно помню, что на наших... на землях ордена были залежи серы. Следовательно, можно сделать гремучий порошок и разрывные снаряды. Только нужно послать людей выварить земляную соль. А еще неподалеку были истощившиеся золотые прииски, и ими стоит заняться вплотную. Самородную жилу разработать может любой дурак, зато добыть золото из отвалов породы – только алхимик. Отчасти поэтому я и выбрала эту специализацию. Хотела быть полезной, чтобы родители гордились мной.

А теперь, выходит, я намерена быть полезной ордену? И его магистру?

Меня передернуло.

Но я дала клятву, и увилить от нее бесчестно...

Я зажмурилась и замотала головой, на миг забыв, что магистр тут, рядом, все еще смотрит на меня. Подумаю об этом потом. Утром. Или вечером? Неважно. Потом.

– Ты сказал, хранителей мало. – Я готова была расспрашивать о чем угодно, лишь бы не молчать и не думать. – А сколько вас... нас?

– Три дюжины в столице... точнее, приписаны к столичному отделению ордена, так-то они мотаются по всей стране. Здесь – дюжина, но большая часть тоже патрулирует окрестности вместе с солдатами. В самом замке сейчас – четверо, вместе со мной. То есть теперь пятеро.

– Дюжина.... тринадцать хранителей на весь удел?

– На три верховных удела. Еще земли Мортейнов и Стенли.

– И... как?

– Пока справляемся. Есть же еще гарнизон.

– Но...

Магистр подался вперед.

– Ты спрашивала, какова цена. Посвящение хранителей переживает один из пяти. Как думаешь, много найдется добровольцев при таком раскладе? Орден всегда молчал об этом, но я – не скрываю. Как не скрываю и то, что умереть в своей постели вряд ли получится.

– А что, отставка у вас не допускается?

Он наклонил набок голову, глядя на меня с ухмылкой.

– Уже хочешь подать прошение?

– А что, так можно? – в тон ему поинтересовалась я.

– Можешь попробовать. Я, признаться, сам не знаю, как поступлю.

– Я дала обет, – ровным голосом произнесла я. – Эйдо не нарушают своих клятв.

При этих словах лицо магистра дернулось, но он ничего не сказал. Я продолжала:

– Если ты уже жалеешь о своем решении – можешь прогнать меня сам. Или убить.

Он ответил не сразу. Смерил тяжелым холодным взглядом, под которым я словно увидела себя со стороны – встрепанную, перепуганную, вцепившуюся в старую куклу. Я положила Леди Изольду на кровать, выпрямила спину, вздернула подбородок. Я – не перепуганный ребенок. Я – леди этих земель. И мой долг – заботиться о них и защищать. В том числе и от чумных. И если для этого нужно стать хранителем, значит, так тому и быть. А когда чумных не станет – тогда и буду думать, что и как.

– Не прогоню, – произнес, наконец, магистр. – Как я уже сказал, хорошие бойцы на дороге не валяются.

– Набрал же ты для столичного отделения...

– Это люди, которые подцепили проклятье, защищая город. Те, кто пережил посвящение, перед тем согласившись верной службой отплатить ордену за спасенную жизнь. Здесь я пока что не вижу очереди из желающих.

– Но ты же согласился? Значит, и другие найдутся... Или тебе не сказали?

Он улыбнулся одним углом рта.

– Меня и не спрашивали.

Он поднялся, и комната разом показалась маленькой.

– Уже далеко полночь, Роза.

Ничего себе! Это я, получается, почти сутки провалялась?

– Отдохни до утра. Возможно, день будет долгим.

Дверь закрылась без звука, оставив меня в темноте – только лунный свет лился сквозь стекло, светлячок Ричарда улетел вслед за ним. Я снова зажгла свет, поднялась с кровати, сделала несколько шагов, неуверенных, точно заново проверяя свое тело. Кажется, ничего не изменилось. Разве что исчезла чернота под кожей. И в то же время изменилось все.

Взгляд упал на плюшевого зайца. Я взяла его в руки – заяц таращился на меня глазами-пуговицами, одно ухо торчало, другое повисло. На макушке, между ушами, серела пыль. Я машинально стерла ее пальцем, а потом, заорав во все горло, швырнула игрушку в стену. Рухнула на колени, скрючилась на полу, рыдая, не в силах остановиться, пока не заснула, устав от слез.

Ричард

Прикрыв за собой дверь, Ричард прислонился к стене, закрыв глаза и запрокинув голову. День был долгим, и он устал, как собака. Замок спал, только караульные бдели на этажах. Можно позволить себе миг слабости.

Двадцать один год, а он чувствует себя глубоким стариком рядом с девушкой, вцепившейся в потертую куклу.

Цветик. Дома ее звали Цветик. Рик звал ее Репейник – еще с тех пор, когда она, малявка, хвостиком таскалась за старшим братом – и за ним самим, когда их семьи приезжали друг к другу погостить. Это случалось нередко – ведь ехать недалеко, всего-то четыре часа хорошей рысью.

Он смотрел на девушку и пытался вспомнить, как же она выглядела девчонкой. В памяти всплывали какие-то мелочи. Вечные царапины на лице и руках, одежда на ней так и горела: то на дерево залезет маленькая разбойница, то на забор взгромоздится. Встрепанные волосы – они, похоже, так и не научились лежать послушно. А лицо стерлось из памяти. Слишком сильно старался забыть.

Рик ведь в самом деле был в нее влюблен со всем пылом первой мальчишеской страсти. Ей это льстило – настоящий кавалер, как у взрослых. Может быть, она даже увлеклась – совсем немного, письма перестали приходить очень скоро. Сейчас даже вспоминать смешно – на что он надеялся, в самом деле? Что двенадцатилетняя девочка будет помнить о нем и хранить ему верность следующие шесть лет – половину от прожитой жизни? Тогда он почти возненавидел ее.

Ему повезло – мама поняла, что с ним творится. Рик не был маменькиным сыночком – но маминим сыном был точно. Когда он брякнул, что никогда больше не позволит себе к кому-то привязаться, одного раза хватило, она рассмеялась. Ласково и совсем не обидно.

– Я вспомнила, как ты учился ходить. Падал, расшибал коленки. Ревел. Каким бы ты был, если бы тогда сказал себе – нет, больше не буду пытаться ходить? Одного раза хватило, и вообще, и без ног люди живут.

– Это другое! – вскинулся он, но мама покачала головой.

– Конечно другое. – Она помолчала. – Но всему приходится учиться. Дышать. Есть. Ходить. Любить. Иногда это бывает больно.

Воспоминание о матери сдавило ребра, мешая вдохнуть. Ричард зажмурился, сжав кулаки, отчаянно гоня прочь мысли о той ночи, когда он брел, спотыкаясь, среди деревьев, а за спиной догорал его дом. Дом, где мама встала с мечом в руках над умирающим от ран отцом. Она осталась, чтобы дать сыну уйти.

Он больше туда не вернулся.

Ричард втянул воздух сквозь зубы. О чем он думал чуть раньше? Ах, да. Репейник. Шесть лет назад он ее почти ненавидел. Два года назад перестал вспоминать – вычеркнул из памяти вместе со всем, что было в его жизни до той ночи. Сейчас, наверное, должен бы возненавидеть по-настоящему – она ведь всерьез пыталась его убить.

Алан, балбес, поверил, что она смирилась. А ведь Ричард предупреждал – упрямства в ней хватит на десятерых. Репейник и есть, как вцепится во что-то: вещь ли, мысль ли – не отдерешь. Он невольно развеселился, вспомнив виноватую физиономию друга. Алана не в чем было упрекнуть – Ричард прекрасно знал, что она не остановится. И все же надеялся, дурень, что годы в пансионе сделали ее мягче – та Роза, которую он помнил, вцепилась бы ему в горло, едва узнав, невзирая на кандалы и свидетелей. Надеялся, что она выберет жизнь, а не месть.

Но доведись ему вернуться на полгода назад – он не изменил бы ничего. Ни тогда, ни сейчас.

Насчет бойцов, которые не валяются на дороге, Ричард не соврал. Ну, разве самую малость – он ведь толком не видел ее в деле. Знал только – чтобы скрутить ее в первый раз, понадобился не самый слабый маг – хорошо, что Дерек сейчас в патруле – и полдюжины солдат. Конечно, чтобы убить, хватило бы и одного Дерека, но у них был приказ взять «шпионку» живой – а она брыкалась и пыталась кусаться, даже когда ее заковывали в кандалы. Во второй раз она могла бы его достать – если бы не заразилась, и чутье хранителя не дало о ней знать.

Только дело было вовсе не в том, что ему не хватало людей. Просто иначе пришлось бы убить Розу до того, как проклятье возьмет верх. Он не смог. Просто не смог перерезать последнюю нить, связывающую с прошлым. С тем временем, когда отец считал Беорна Эйдо лучшим другом. Когда все были живы и счастливы, когда казалось, что впереди еще столько нового и захватывающего.

Ричард горько усмехнулся: уж куда более захватывающе? Но мало ему было забот, добавил собственными руками. Глупая сентиментальность. Он представил, что ему скажут Ева и Акиль, да и Эмма, когда узнает, тоже стесняться в выражениях не будет. «Или орден примет земли Эйдо под свою руку, или я велю сравнять замок с землей, а землю засыпать солью, акр за акром. Чтобы и памяти о них не осталось», – сказала она.

Тогда Ричард надеялся, что Роза не вернется. В банках Бенрида у ее семьи осталось достаточно денег, чтобы безбедно прожить до глубокой старости. И не одной, а с матерью. Он бы не стал гнать леди Клэр из собственного дома, та не осталась бы сама. В ней был тот же стальной негибемый стержень, как и в его матери. Как и во многих женщинах древних родов, прошедших войну плечом к плечу с мужьями.

Но вышло так, как вышло.

Ричард вздохнул, отлепляясь от стены. В самом деле уже очень поздно, надо поспать хоть пару часов.

Из-за двери донеслись рыдания. Он прислушался, не сразу себе поверив. Хотя чему удивляться? Ричард слишком хорошо помнил, каково остаться одному среди совершенно чужих людей. А единственного знакомого ты ненавидишь. Он ведь тоже ненавидел прежнего магистра хранителей – тот, подобрав его, израненного, в лесу, провел посвящение, вовсе не спросив, желает ли новобранец вступить в орден. Прямо заявил, что спасенная жизнь принадлежит спасителю. Ричард был готов наложить на себя руки назло ему – но нужно было жить. Тогда он был уверен, что остался последним в роду – Рэндольф с отрядом пропал в землях лорда Хейли, которые первыми накрыла орда. А потому нужно было жить. Чтобы продолжился род. Чтобы отомстить.

Магистр хранителей погиб рядом с королем, до последнего защищая его.

Ричард помедлил, коснувшись рукой двери. Нет. Роза сочтет унижительным, если враг увидит ее слезы. Он потянулся к ней магией, накрыл усыпляющим заклинанием – как он и

предполагал, Роза его не заметила. Вернулся в ее комнату, подхватил девушку на руки. Грустно улыбнулся, вспомнив, как она жалась к нему, когда он нес ее для посвящения. Слишком измученная, чтобы ненавидеть. И все равно отчаянно цепляющаяся за жизнь.

Ее дар пах вербеной и мятой, и Ричард едва удержался, чтобы не устроить ее на коленях, сунуться носом в пушистую макушку и сидеть так, баюкая. Девчонка... Интересно, про кого она думала, спрашивая, сможет ли... Почему-то при этой мысли грудь кольнуло что-то, очень похожее на ревность. Нет, надо выспаться, а то глупости всякие в голову лезут.

Осторожно, словно боясь разбудить – хотя под сонным заклинанием можно было этого не опасаться – Ричард опустил девушку на кровать. Стянул с нее сапоги и одежду – пусть отдохнет как следует. Никаких посторонних мыслей и близко не было. Два года они болтались по стране – четверо парней и три девушки – и за это время совершенно разучились стесняться. Хотя Розе все равно незачем знать, кто уложил ее в постель. Не поймет.

Он укрыв девушку одеялом, зачем-то убрал прядь волос, прилипшую к мокрой от слез щеке. Выпрямился. Взгляд упал на плюшевого зайца, лежавшего в углу. Когда он уходил из комнаты, заяц сидел на столе. Ричард поднял его, заглянул в глаза-пуговицы.

– Что, парень, не любит она нас?

Заяц молчал.

Ричард невесть зачем сунул его за пазуху и пошел к себе.

Роза

Проснулась я в постели, раздетая до белья. Совершенно не помня, ни как раздевалась, ни как забиралась под одеяло. Здорово вчера скрутило.

Сейчас, когда утреннее солнце светило в окно, стало видно, что комната все же изменилась, все было покрыто пылью: комод у окна, на котором стояли кувшин и таз для умывания, оконные переплеты, спинка кровати. Мама бы ни за что такого не допустила: даже в гостевых комнатах регулярно перетряхивали постели, помещения проветривали и вытирали пыль.

Значит, надо найти горничную... Нет, ведь у меня больше нет горничной. Значит, следует дойти до кастеляна и помимо всего прочего вытребовать ведро и тряпку. Я провела пальцем по матовой поверхности стола – с него кто-то пыль стер, а про остальное забыл. Ладно, разберемся.

Я распахнула дверь на балкон, впуская в комнату солнце и воздух, и отправилась искать кастеляна.

Кастелян Гилмор походил на старого гнома, какими их описывают легенды – низкий, кряжистый, бородатый. Вот только выговор у него был чистый, столичный. И на столе, как и в самом кабинете, не было подсвечников, значит, освещали его светлячки.

От предложения дойти до портного я отмахнулась – успеется, смена белья и одежды на первое время у меня была. Вытребовала ведро, тряпку и щелок – одежду уже нужно было стирать, благо, где прачечная, я помнила. С прислугой или без нее, я не буду жить в грязи. Даже в той крестьянской избе, где мы с Аланом заночевали, было чище, чем в моей комнате!

Я как раз заканчивала сушить белье – не развешивать же мокрое исподнее на спинке кровати в помещении, куда в любой момент может ввалиться командир – когда прозвенел гонг. Вовремя, живот уже подводило. Кажется, насчет волчьего аппетита магистр не соврал.

Хранители жили в господской части замка, солдаты – в казармах, как и полагается, помещение, где кормили слуг – находилось в людской части, неподалеку от кухни. Кухни для слуг, не для господ. Впрочем, сейчас мне было все равно, так хотелось есть.

В зале, где сделали столовую, не было ни слуг, ни подавальщиц. У двери, что вела в кухню, стоял здоровый котел, около которого возилась дородная женщина с половником. Рядом на столе неустойчивыми башнями высились горки глиняных мисок и таких же кружек. К столу змеилась длинная очередь разномастно одетых людей: кто в рубахе и простых полот-

няных штанах, кто в дублете, а кто и в кольчуге, мужчины, женщины, единственное, что общее у них было – все при оружии. Я, оставив нож в комнате, чувствовала себя почти что голой. Хотя, если подумать, зачем мне оружие, я сама себе оружие, пока резерв не истощится. А он у меня и до посвящения был неплохой.

– Да отличный тут харч, – прогудел кто-то у меня за спиной. – Первые-то дни ты не застал... Сущим дерьмом кормили, я уж думал, как всегда, то ли хозяева скуповаты, то ли кухари вороваты, словом, придется на свои приварок добывать. Эти-то... – Интонации у незнакомого солдата были такие выразительные, что я, даже не оборачиваясь, словно наяву увидела, как он тычет пальцем в потолок. – У себя там с серебра да золота едят, а что мы жрем, им плевать...

– Да не говори, – поддакнул второй голос.

– А потом смотрю, какая-то компашка незнакомая заваливается. Сколько-то мужиков, ушастый, и три бабы. Бабы ничего так, а одна, рыжая... – в голосе прорезались мечтательные нотки, – Сиськи— во! Задница так сама в руки и просится...

– Опять ты про баб! Лучше скажи, настоящий ушастый?

– Ага. Не слышал, что ли?

– Слышал, думал брешут.

– Настоящий, сам увидишь.

Интересно. Сэр Грей писал, что вместе с Ричардом в доме моего отца был эльф. Эльфы жили по ту сторону хребта, перегораживающего материк, и среди людей почти не появлялись. Не торговали, не вели никаких дел. Впрочем, и не воевали. А учитывая, что проходимых перевалов в хребте так и не нашли, только гномьи пути под горами, было понятно, почему их изоляцию никто не пытался нарушить. Так что эльф в доме моего отца и тот, о котором говорят – явно один и тот же. Надо будет познакомиться с ним поближе да поспрашивать.

Впрочем, с чего я взяла, что он расскажет правду?

– Ну вот, пришли, значит, встали в очередь, как все, что-то там между собой шушукуются. Ну, думаю, так их всей бандой и наняли, порасспрашиваю потом, кто да откуда. Харч взяли, как все, морды скривили, понюхав, за столы даже садиться не стали. Тот который со шрамом...

– Сам магистр, что ли?

– Да чтоб тебя, всю байку испортил! – ругнулся незнакомый солдат. – Тот ложку в рот сунул, прямо стоя, и – шашть на кухню! Никто и пикнуть не успел, не то что остановить. Дверь открыта осталась. – Голос мужика снова стал мечтательным, как при воспоминании о формах неведомой женщины. – Зашел, значит, и давай повара честить на все лады. Как он заворачивал, я аж заслушался. Сразу видно, грамоте ученый.

Я подавила смешок.

– А ты чего хихикаешь, пигалица, – обратились уже ко мне. – Не веришь, что ли?

– Верю, – проговорила я не оборачиваясь. – А дальше что?

– А дальше оказалось, что это сам магистр приехал, и с ним остальные хранители...

– Не про тебя, значит, сиськи, – хихикнул кто-то.

– Да где уж там, только глазеть и осталось... Вот, магистр, значит, повара отчитал, вышел обратно. Тут же забегали все, с кухни бочонок пива выкатили, хлеб, солонину... в первый раз наелся досыта. И с тех пор харч отменный. Так что не дрейфь, малой, хорошо тут. Даром что дыра дырой.

Я поперхнулась. Это наш-то удел – дыра? Меня тут же участливо похлопали по спине, да так, что пришлось сделать пару шагов, чтобы устоять на ногах.

Оглянулась. Мне широко улыбался мужчина лет тридцати с загорелым почти до черноты лицом. Пожалуй, его можно было назвать даже приятным, если бы не сломанный нос и выбитый клык.

– А ты откуда такая взялась? – поинтересовался он.

Я замешкалась, не зная, что ответить. Вспомнила Алана с его «тьма была безвидна и пуста» и едва справилась с искушением прямо сказать, откуда именно я появилась восемнадцать лет назад. Пожала плечами, давая понять, что не хочу продолжать разговор. Тем более, что как раз подошла моя очередь к котлу. Женщина окинула меня внимательным взглядом и наполнила миску едва ли не до краев. Куда столько? Да и у остальных в мисках было куда меньше.

– А пигалица не лопнет? – усмехнулся все тот же мужчина.

Глава 8

– Хранителям – двойная порция, – отрезала женщина. Сунула в руки кружку, накрытую толстым ломтем хлеба, и потеряла ко мне интерес.

– Опять не про тебя сиськи, – хохотнул кто-то.

Дослушивать я не стала. Оглядевшись, нашла место в углу, устроилась за пустым столом. Тушеные с мясом овощи, пиво и хлеб: серый, с изрядной примесью ржи, но душистый и пышный. Жить можно.

Но неужели магистр и в самом деле ест из одного котла с простыми ратниками? Он ведь, как и я, привык к совсем другому. Нет, я больше не буду об этом думать. Нельзя оглядываться, прошлой жизни больше нет. Какой будет новая – посмотрим.

– А чего ты в угол забила? – раздался над головой знакомый голос.

Я подняла взгляд от еды. Алан поставил на стол напротив миску и кружку, накрытую блюдцем, и улыбнулся мне как старой знакомой. Я окинула его ледяным взглядом и вернулась к еде.

– Так, я не понял. – В его голосе тоже прорезался холод. – В чем я провинился, что ты смотришь, точно солдат на вошь?

Я хмыкнула и снова не стала отвечать. Не понял он, ага. Поглупел внезапно.

Алан, точно и вовсе не ждал ответа, снял с кружки блюдо, положил в него две ложки рагу и поставил на лавку рядом с собой. Сунулся в холщовую сумку, что висела у него через плечо.

– Ваше котейшество, кушать подано.

Из сумки вылез пушистый рыжий котяра, обнюхал тарелку и принялся есть. Он устроился хвостом к хозяину и ел совершенно спокойно, кажется, уверенный, что его никто не потревожит. Уличные животные ведут себя совсем не так.

– Раз уж нам теперь вместе работать, – сказал Алан, переводя взгляд с кота на меня, – давай сразу разложим все по полочкам, чтобы никаких недоговорок не осталось. Я вовсе не хочу получить стрелу в спину только потому, что на меня, видите ли, обиделись непонятно за что.

– За кого ты меня принимаешь? – вспыхнула я.

– За девицу, которая не видит разницы между бальным залом и полем боя.

– Мы не на поле боя.

– Пока нет. Так я слушаю. Если я в самом деле обидел тебя, сам не поняв чем, сделаю все, что смогу, чтобы загладить обиду. Но мысли читать я не умею и не собираюсь учиться.

Я помолчала, пытаюсь облечь в слова свои эмоции. Почему я на самом деле чувствовала себя оскорбленной до глубины души?

– Ты прав, – медленно произнесла я. – Уверткам и кокетству не место на поле боя, поэтому я скажу прямо. Недавно мне показалось, будто хоть кому-то не наплевать, что со мной и жива ли я вообще. Пусть лишь потому что я – молодая и симпатичная, лишь потому, что, как ты сам сказал, каждый второй пытается урвать хотя бы поцелуй...

– Я не... – начал было Алан, но я перебила.

– Нет, ты прав еще и в том, что у меня нет причин для обиды. Кто ты мне, в конце концов? – Я криво улыбнулась. – Не родич, не друг, не любовник...

– Соратник.

– Сейчас – да, а тогда? Никто. Глупо было верить в бескорыстную помощь. Но я поверила. Поверила, что тебе не все равно. Поверила тебе. А ты только выполнял приказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.